

Часть вторая

ОТ ПРИКАЗОВ ДО ВОИНСКИХ ПРИСУТСТВИЙ

СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВА МОСКОВСКОГО

К середине XV века создались все необходимые условия для образования единого централизованного Русского государства. Центром объединения земель стала Москва.

В 70-80 годах произошел целый ряд важнейших для русской государственности событий. С присоединением Новгорода, Твери и Вятки Москва в основном завершила дело почти двухвекового “соборания” северных и восточных русских земель. В 1480 году Иван III и его окружение выдвинули новую внешнеполитическую задачу – присоединение западных и юго-западных русских земель. Кроме достижения территориального единства молодое государство нуждалось в укреплении изнутри. Надлежало обеспечить безопасность его границ. В 1487 году власть Москвы признало Казанское ханство.

В результате двух русско-литовских войн (1492-1494 и 1500-1503 года) были возвращены десятки русских городов, среди них –Вязьма, Чернигов, Стародуб, Путивль, Рыльск, Новгород-Северский, Гомель, Брянск, Дорогобуж и другие. Иван III провозгласил себя государем не только подвластных ему земель, но и всего русского населения, входившего некогда в состав Киевской Руси.

Внутри государства постепенно отмирали пережитки политической раздробленности, исчезли удельные княжества. Все это вызывало необходимость создания нового порядка управления страной. В конце XV века в

В приказной избе. С картины С.В. Иванова.

Москве начали формироваться органы центрального управления - приказы, которые впоследствии стали прямыми предшественниками петровских “коллегий” и “министерств”.

Они возникали в известной мере стихийно, подчиняясь требованиям времени и насущным нуждам государства и государя. Сам термин “приказ” произошел от глагола “приказывать” и означал приказание (поручение), сделанное великим князем или царем тому или иному доверенному лицу – боярину, а чаще дьяку.

Претерпевало изменение и войско. На место княжеских дружин приходили полки, состоящие из помещиков, получавших от государства на время своей службы населенные земли – “поместья”.

Приказы вели учет наличных сил ополчения, определяли поместные оклады дворянам и детям боярским, систематически вели разряды (войсковые росписи).

Руководство всеми вооруженными силами государства в мирное и военное время находилось в руках Великого князя и Боярской думы. С их разрешения проводилось отдельное перемещение служилых людей из одного города или уезда в другой, устанавливались оклады жалованья. Боярская Дума, как властный, постоянно действующий орган при великом князе, принимала самое деятельное участие во всех военных мероприятиях и преобразованиях.

Организация военного дела на местах возлагалась на княжеских наместников. Они, являясь представителями гражданской и военной власти, руководили местной обороной, вели учет великокняжеских детей боярских и дворян, формировали полки из местных служилых людей, выступали в походы во главе сформированных полков. Через наместников проводился также сбор “посошных людей”.

В последней четверти XV века главной силой русского войска стала низшая часть феодального сословия – служилое дворянство. Создание войска осуществлялось двумя способами: во-первых, путем запрета отъезда служилых людей от московских князей к другим князьям и привлечения землевладельцев к несению военной службы со своих земель и, во-вторых, путем расширения придворного войска.

Но необходимо отметить, что поместные ополчения, с самого их зарождения, имели серьезные недостатки. Они собирались только при возникновении военной опасности, сборы их случались затяжными (до нескольких месяцев), подготовка воинов к боевым действиям была слабой, потому что они не проходили специальной военной выучки. Ополченцы чаще всего были слабо вооружены и их приходилось довооружать за государственный счет. Если для оборонительных боев ополченцы были еще кое-как пригодны, то для длительных походов и военных назначений они почти не годились. А молодому русскому государству, чтобы расти и крепнуть, нужно было раздвигать свои границы, охранять их надежно. Для этого требовались воины постоянные, подготовленные.

Идеологией единого Московского государства стали идеи его богоизбранности и независимости. Василий III, вступивший на великокняжеский престол в 1505 году, успешно претворял их в жизнь во внутренней и внешней политике. Экономический и политический подъем Московского государства, присоединение к нему Пскова, Смоленска и Рязани позволяют сделать вывод о том, что в первой трети XVI века был фактически решен вопрос о существовании на Руси государства с сильной монархической властью. Для ведения активной внешней и внутренней политики в полной мере использовались возможности приказной системы и опора на служилых людей – детей боярских и дворян.

Если в начале XVI века приказы создавались по разным поводам, иногда носили временный характер и ликвидировались после решения какого-нибудь конкретного вопроса, то в рассматриваемый период времени они постепенно стали превращаться в постоянно действующие учреждения.

К середине XVI века Московское государство, или как писали тогда в дипломатических документах “Русское”, было одним из сильнейших в военно-политическом отношении и одним из сильных, крупных по территории, в сравнении с другими странами Европы. Но совсем немного, всего несколько десятилетий, насчитывала его история, как единого государствен-

ного организма, включавшего в себя ранее десятки самостоятельных земель и княжеств. Отсутствовал сколь-нибудь развитый аппарат управления, не существовало постоянной армии. Нужна была реформа.

В 1533 году умер Василий III, оставивший наследником трехлетнего Ивана IV. В период до 1547 года в стране длилось боярское правление.

16 января 1547 года титул “царя”, то есть неограниченного, самодержавного правителя, впервые в российской истории принял Иван IV.

Вместе с ним в 1549 году на политическую арену выходит своеобразная правительственная группа “Избранная рада”. Роль наиболее ярких фигур в ее составе сыграли священник Благовещенского собора в Кремле Сильвестр, царский постельничий Александр Федорович Адашев, князь Курлятев, князь Андрей Михайлович Курбский, дьяк Иван Михайлович Висковатый и некоторые другие представители аристократии. Все они сознавали и признавали необходимость реформ в сфере государственного управления.

Всего десятилетие суждено было существовать “Избранной раде”, но за этот краткий период государственное, военное и социальное устройство России претерпело столь сильные изменения, каких не происходило за целые века спокойного развития. За это время, во-первых, сформировалась развитая система Приказов. Роль “министерства обороны” Московского государства играл Разрядный приказ, ведавший формированием полков и крепостных гарнизонов, снабжением их вооружением и продовольствием, укреплением границ, назначением на должности, учетом служилых людей страны, обеспечением их земель и жалованьем. Кроме него были созданы специальные приказы: для стрельцов – Стрелецкий, для пушкарей – Пушкарский. Большую роль играл Поместный приказ – в его распоряжении находился земельный фонд, обеспечивающий землей (поместьями) вновь созданные разряды служилых людей.

Во-вторых, в 1550 году был введен в действие новый Судебник – свод действующих законов. В-третьих, произошла реорганизация местного управления, ограничившая власть наместников и создавшая выборные земские органы.

Наконец, наиболее целесообразным изменениям подверглось военное дело. В 1555 году было издано «уложение о службе», которое уравнило вотчины и поместья, объявило военную службу вотчинников и дворян обязательной и наследственной, определило их служебные обязанности в зависимости от размера земельных владений.

За службу давался земельный надел размером от 150 до 3000 десятин. Кроме земельного надела полагалось денежное жалованье в зависимости от разряда - от 4 до 1200 рублей, которые выдавались им при выступлении в военный поход или через два года на третий при мирной обстановке.

С каждых 100 четей (около 50 десятин) доброй земли должен был

выступить в поход один воин «на коне и в доспехах», а в дальний поход «о двух конь». Кто выводил воинов сверх нормы, тому увеличивалось денежное жалованье. «Нетчики», т.е. уклонявшиеся от службы, строго наказывались.

Поместье переходило от отца к сыну. До 15-летнего возраста дворянин считался «недорослем». Когда ему исполнялось 15 лет, его записывали в «десятью» (служилый список) и он становился «новиком». Для учета и проверки служилых дворян периодически проводились смотры, уточнявшие десятню, которая по существу являлась организационно-административной единицей, объединявшей дворян, приписанных к одному городу.

Поместная дворянская конница составляла теперь значительную часть русского войска. Лучшей частью поместной конницы был царский полк, комплектовавшийся со всего государства. К поместным войскам относилась татарская знать, перешедшая на службу к Московскому государю и получавшая от него поместья. Это тоже была конница. «Городовые» казаки стали получать на границах поместья, за что обязаны были нести государеву службу.

Второй составной частью русского войска была пехота, на организацию и вооружение которой в середине XVI века было обращено особое внимание.

В начале XVI века в пехоте появился новый вид воинов - пищальщики. Так из летописей известно, что в 1510 году из Москвы в Псков было послано 1000 «пищальщиков казенных». Из них было созданы стрелецкие части. 16 января 1547 года Иван IV был венчан на царство. Отмечая в связи с этим положение ратных людей при новом царе, летописец сообщает: «... еще же и в новом прибави к ним огненных стрельцов многократному делу искусно изученных, иже ни глав своих щадящих, ни смерти бояшися. И многие отцов своих и матерей забывающе, притекаху к царю и к великому князю аки чада любимии ко отцу, и взаимаху от него потребу не скудно».

В 1550 году были образованы «выборные» стрелецкие отряды. Так назы-

Дворянская конница в полном боевом вооружении, гравюра XVI в

ваемый «русский хронограф» довольно подробно описывает появление и организацию этих стрельцов. Под 1558 годом читаем: «Учинил у себя царь ... выборных стрельцов и с пищалей 3000 человек и велел им жити в Воробьевой слободе, а головы у них учинил детей боярских ... Всего было создано шесть «статей» (отрядов) стрельцов по 500 человек в каждом. Головами у стрельцов были назначены: в первой «статье» Григорий Желобов, во второй - дьяк Ржевский, в третьей – Иван Черемисов, в четвертой - Василий Принчищев, в пятой - Федор Дурасов и в шестой - Яков Бундов. Стрельцам было назначено жалованье по 4 рубля в год. (ПСРЛ, т. XXII, стр. 532.)

Стрельцы составляли отряды людей, отличные в своем устройстве от существовавшей организации всего войска. Это отличие состояло прежде всего в том, что стрельцы жили в отдельной слободе и были обеспечены постоянным денежным жалованьем. Таким образом, стрельцы являлись постоянным войском, были всегда готовы к выполнению служебных обязанностей и по своей организации приближались к регулярному войску.

Стрелецкие «статьи», позднее приказы - приборы, составлявшие характерную черту в устройстве стрелецкого войска, существовали до второй половины XVII века и никогда не распространялись на все русское войско.

Приказы назывались по именам своих командиров: приказ Василия Лухотина, Тимофея Тетерина и т.д. В мирное время они несли караульную

Стрельцы. С картины С.В. Иванова.

службу, стояли в Кремле «для оберегания», сопровождали в дальние поездки иностранных послов и богатых гостей. Во время царских выездов стрельчаный полк шел «при стремени» государя.

Стрелецкая служба была пожизненная и наследственная: голове строго предписано стрелецких сыновей держать на учете и «никуда не распускать». Каждый стрелец получал в Замоскворечье участок дворовой и огородной земли. Им было позволено торговать беспошлинно, и много лавок принадлежало в Москве стрельцам.

Когда в стрелецкой слободе не хватало молодежи, чтобы довести численность приказа до нормы, определенной царским указом, в Москву переводили стрельцов из других городов, или, чаще всего, стрелецкий голова производил набор из «охочих людей». Однако не каждый желающий мог стать стрельцом. Голова должен был строго следить за тем, чтобы в стрельцы не записались холопы и крестьяне и этим не нанесли ущерб ни царству, ни частному хозяйству. Кроме того, стрелецкую службу могли нести только те, **«которые собою добры и молоды, и резвы, и из самопала стрелять горазды»**. Определен был и предельный возраст стрельцов: не старше пятидесяти лет.

Наконец, поступающий на службу должен представить поручателями несколько человек из старых стрельцов: своим имуществом они отвечали за бегство стрельцов со службы или за потерю самопала, свинца или пороха.

Во время царствования Алексея Михайловича гарнизон Москвы насчитывал 20 000 стрельцов.

Военное значение стрелецкого войска трудно переоценить. В течение почти целого столетия, до образования солдатских полков в начале 30-х годов XVII века, стрельцы составляли единственное постоянное пешее войско.

Указам о создании стрелецкого войска предшествовала работа передовой общественной мысли, например, «большая челобитная» Ивана Пересветова, поданная Ивану Грозному в 1549 году. Пересветов - видный деятель середины XVI века - изложил царю проект государственных, военных и судебных реформ. Изложение идет от имени «мудрого» Волосского воеводы Петра - исторический прототип молдавский господарь Петр Рареш, бывший верным союзником Ивана Грозного. Он предлагал создать постоянное войско, обеспеченное денежным жалованьем, и обуздать непокорных вельмож.

«... хотя и богатырь обогатит, и он обленивает; богатый любит упокой, а воинника всегда кредити (устраивать, обхаживать), аки сокола, сердце ему веселити и ни в чем на него кручины не допустити.

Который воинник лют будет против недруга государева, играти смер-

тною игрою и крепко будет за веру христианскую стояти и по таковым воинникам имена возвышат, и сердце им веселити, и жалованья им из казны своя государевы прибавляти; и иным воинником сердца возвышати, и к себе из близко припуцати, и во всем им верити, и любити, аки отцу детей своих, и быти щедрю: щедрая рука николи не оскудевает и славу царю собирает; что государю щедрость к воинником, то его мудрость.

Такому государю годится держати 20 тысяч юнаков храбрых со огненную стрельбою, горазно ученую. И по та 20 тысяч лутши будет 1100 тысяч.

В котором царстве люди порабощены, и в том царстве люди не храбры и к бою против недруга не смелы; порабощенный бо не человек срама не боится, а чести себе не добывает, хотя силен или несилен, и речет так « однако есмь холоп, иного мне имени не прибудет». (соч. И. Пересветова М.-Л. 1956, стр.170 - 184.)

С целью реформирования армии, Иваном Грозным был составлен «Проект изпомещения избранной тысячи». Указ об изпомещении под Москвой «лучших слуг» и их поименный перечень в количестве 1070 человек содержится в тысячной книге, составленной в октябре 1550 года. Тысячники в основной своей массе - провинциальные дети боярские, в дополнение к их земельным владениям наделялись черными крестьянскими землями вблизи от Москвы с тем, чтобы быть готовыми в любой момент явиться на государеву службу. Впоследствии дворяне, записанные в тысячную книгу, занимали важные должности в армии и государственном аппарате. Однако полностью в 50-х годах XVI века эту крупную реформу по-видимому осуществить не удалось из-за сопротивления боярской аристократии и нехватки свободных земель. Тем не менее, сама идея реформы, ее подготовка были использованы позднее, при введении опричнины. («Тысячная книга 1550 г и дворовая тетрадь 50-х годов XVI века» М.-Л. 1950, стр. 53-54.)

Начало опричнине было положено отъездом царя 3 декабря 1564 года из города Москвы в Александрову слободу. Отсюда в начале января 1565 года им были посланы в Москву две грамоты: одна боярам и высшему духовенству, другая - посадским людям. В первой грамоте бояре обвинялись в расхищении казны и земель в малолетство Ивана IV, в нерадивой службе и измене; в грамоте, обращенной к горожанам, говорилось, что царского гнева и опалы на них нет.

Обеспечив себе поддержку посадского населения Москвы и собрав в Александровской слободе значительное дворянское войско, Иван IV принял делегацию от церкви, бояр и посадских людей, которая просила его вернуться к управлению государством. Иван Грозный согласился вернуться в Москву, но на условии предоставления ему права беспрепятственно наказывать изменников и учредить опричнину (от слова «оприч» - кроме, особо).

Организация русского войска в XVI веке была более четкой, чем ранее. Войска, собранные для похода, назывались ратями. Каждая рать действовала на одном направлении. Состав рати был различен: от трех до семи полков разной численности. «Наряд» выделялся в самостоятельный род войск - артиллерию. Следствием количественного и качественного роста стрельцов и наряда явилось возникновение так называемого «гуляй - города» - подвижного полевого укрепления. Для его постройки и для его установки нужны были плотники.

Постройкой крепостей и осадными работами руководили «розмыслы» (инженеры). Этот личный состав явился зачатком инженерных войск.

Командный состав комплектовался из бояр и дворян. Во главе всей рати стоял большой воевода. Полками командовали полковые воеводы. Кроме полковых, были еще воевода у наряда (начальник артиллерии), гуляй-вой воевода (начальник «гуляй-города»), ертаульный воевода (начальник разведки). При воеводах были дьяки с подьячими, которые писали приказы, «ведали государеву казну» и вели журналы боевых действий. Так в русском войске зарождался войсковой штаб.

В XVI веке сложились и высшие военные учреждения, которыми были приказы: поместный, разрядный, стрелецкий и пушечный. В поместном приказе велся учет «дачи» поместий. Разрядный приказ ведал учетом служилых людей, прохождением ими службы и составлял расчеты потребных сил и средств для каждого похода. Стрелецкий приказ распоряжался стрельцами и городскими казаками. Пушечный приказ (первое его упоминание в летописи встречается в 1577 году) ведал артиллерийскими и инженерными делами.

Оформление централизованного государства вызвало появление общерусского законодательства, регулировавшего сложившиеся общественные отношения.

Царский указ об учреждении опричнины не сохранился, имеется только его подробно изложение в летописи начала царства.

Из него следует, что опричина это специально проверенный штат управления и беспрекословно послушное войско, находящееся в непосредственном подчинении царя. На их содержание Иван IV выделил большую территорию, расположенную преимущественно в центре и на севере русского государства, доходы с которой поступали в государеву казну. Остальная часть государства получила наименование земщины. Она продолжала управляться боярской думой, вынужденной, однако, по всем важнейшим вопросам испрашивать согласие царя. (*Полное собрание русских летописей, т.13, вторая половина. (СПб. 1906, стр. 391-396).*)

«... В начале февраля 1565 г. приказал царь выписать в Москву всех военных людей областей Суздаля, Вязьмы и Можайска. Когда они прибыли, сел

он рядом со своим советом, Алексеем Басмановым, князем Афанасием Вяземским и Петром Зайцевым, и приказал каждому воину, число которых было 6000, явиться к нему и спрашивал у каждого его род и происхождение, род их жен, и просил указать, с какими боярами и князьями они вели дружбу. Тех, против кого у него не было подозрений, взял к себе. Каждый из них дал клятву: *«Я клянусь быть верным государю и великому князю и его государству, молодым князьям и великой княгине и не молчать о всем дурном, что я знаю, слышал или услышу, что замышляется тем или другим против царя или великого князя, его государства, молодых князей или царицы. Я клянусь так же не есть и не пить вместе с земщиной и не иметь с ними ни чего общего. На этом я целую крест.»* (Послание И.Таубе и Э.Крузе, - «Русский исторический журнал» кн.8, Петроград. 1922, стр.35-36).

Ливонские дворяне Таубе и Крузе сами были опричниками, но в 1571 году бежали к польскому королю Сигизмунду и в 1572 году написали «Послание».

К концу XV века появился «Судебник» Ивана III (1497). Однако вскоре, в 1550 году, он был заменен другим «Судебником», который закреплял установившиеся порядки в интересах усиления централизованной власти.

На этой основе был разработан порядок несения военной службы. Указы об этом помещены в качестве дополнения к царскому «Судебнику» 1550 года. В указах изложены основные положения поместной организации вооруженных сил страны и управления ими: *«Лета 7058 (1550) года приговорил царь государь с митрополитом со всеми бояры в полках быть княжатам и детям боярским с воеводами без мест, ходити на всякие дела со всеми воеводы, для вмещения людем, и в том отечестве их нет унижения, которые впредь будут в боярах, или воеводах, и они считаются в отечестве (местнические обычаи требовали, чтобы и на войне должности распределялись по знатности рода, что на практике осуществить было невозможно, так как способные воеводы в этом случае должны были стоять ниже бездарных, но знатных людей. Поэтому во время войны воеводы назначались «без мест», то есть вне их родословных счетов, что не должно было влиять на местнические счета в мирное время).*

А воеводам в полках быти, большой полк, да права рука, да лева рука по местам, а передовой да сторожевой полки меньше одного в большом полку воеводы, а до правой и левой руки и до другого в большом полку дела нет, а с теми без мест, кто с кем в одном полку послан, тот того и меньше; а воевод государь прибирает, рассуждая их отечество, и кто того дородился, и кто может ратный обычай содержать.

А с отчин и с поместий уложенную службу учинили со ста четвертей добрыя уложения земли человека на коне в доспехе полном, а в дальний поход о двух конях; и кто послужит по земли, и государь их

пожалует своим жалованьем кормлением, и на уложенные люди даст денежное жалованье.

А кто землю держит, а службу не служит, на тех самих имати деньги за люди. А кто даст людей в службу лишние пред землю уложенные люди, а тем от государя большое жалованье самим, а людям им пред уложенными в полтретье давати деньги.

А которые имеют поместья в отчины, сами или их дети не в войске и холопей не пошлют, и сыщется про то до пряма, что они огурством не пошлют, и у тех, со скольких четвертей службы не будет, толико четвертей взяти и отдати беспоместным и малопоместным, кои служат, детям боярским и иных чинов людям”. («Судебник государя и великого князя Ивана Васильевича...»).

Данные статьи, во-первых, устанавливали организацию в армии и определяли подчинение воевод отдельных полков воеводе большого полка; во-вторых, впервые указывали, что на командные должности назначаются лица не только по признаку знатности рода, но и по способности; в-третьих, определяли порядок поместной службы дворян-помещиков.

На Стоглавом соборе решился вопрос о пересмотре размеров поместий и вотчин, для уравнивания служилых людей «по достоинству безгрешно, и у кого лишне, и по недостаточно пожаловать».

Следствием этого было появление «Уложения по службе 1555 года», в котором точно определялись права и обязанности служилых людей. (Стоглав, СПб. 1863. стр. 25-27).

Нормальный надел был установлен 3000 четвертей (150 десятин). Этот надел получали люди низшего разряда. Высший надел определялся в 6000 четвертей. Поместья и вотчины были уравнены, и с этого времени помещик и водчинник должны были нести службу на равных основаниях. Военную службу помещики несли пожизненно, начиная с 15 лет. Для учета войск производились смотры и составлялись разборные книги или списки так называемые десятни, которые содержали сведения о помещиках.

Под Москвой была выделена земля для избранной тысячи “лучших слуг” – привилегированных дворян, из числа которых впоследствии назначались воеводы “головы” (низшие офицеры). В 1550 году возник корпус первого русского постоянного войска – стрельцов, получивших из казны денежное жалованье, вооружение и обмундирование.

“Выборные” стрелецкие отряды отличались от поместного ополчения, прежде всего тем, что жили в особой слободе и обеспечивались постоянным денежным жалованьем. Стрелецкое войско по своему устройству приближалось к регулярной армии.

Призыв нового пополнения на службу часто проходил одновременно с общим смотром служилых людей. В их результате составлялся по городу и

уезду особый список “десятая”. В организации поместного ополчения “десятки” имели большое значение. По ним велся учет дворян и детей боярских, назначение их на службу и увольнение с нее. Все десятни хранились в Разрядном приказе. Стрелецкий приказ ведал своими войсками на территории всего государства и имел все необходимые административно-военные и судебные функции в отношении стрельцов.

В военное время создавалось единое войско. Сбор его происходил через Разрядный приказ. В города на имя воевод рассылались царские грамоты с указанием, чтобы дворяне и дети боярские всего уезда готовили оружие, людей и являлись в установленный срок на сборный пункт. Через городских воевод или особых сборщиков происходил сбор посошных людей с указанием, куда и когда они должны прибыть на службу.

Основу вооружённых сил Московского государства составляло дворянское ополчение. Дворяне и “дети боярские” получали земельные владения от московских государей или от богатейших князей, бояр, церковных иерархов и монастырей, имевших собственные боевые отряды. За эту землю они обязаны были нести военную службу. Полученный участок земли с крестьянами (поместье) должен был не только обеспечивать самого дворянина и его семью, но и давать возможность приобретать воинское снаряжение, боевого и запасных коней, вооружать одного или нескольких боевых холопов (военных слуг, отправлявшихся в походы вместе со своими господами — дворянами). Во время особых смотров проверялась готовность дворянских отрядов к боевым действиям: на эти смотры каждый дворянин обязан был являться в полном вооружении, “о дву конь”, и если размеры его поместья были достаточно велики, то с вооружёнными людьми. В случае неявки на смотр в списке против фамилии неявившегося ставилась пометка “нет”. “Нетчика” наказывали сурово: ему в мирное время угрожала конфискация поместья, а если шла война — то телесное наказание, заключение в тюрьму и даже смертная казнь. Штраф или “убавление” земельного оклада полагались за неявку на смотр, опоздание в поход, прибытие в “худых” доспехах или без положенного числа военных слуг. Напротив, в награду за “исправную службу” поместье могли увеличить или выдать дополнительное денежное жалованье.

Иностранцы удивлялись русским воинским обычаям: по их мнению, московский государь ухитрялся содержать огромное войско, не платя воинам ни гроша. Но это не совсем так: помимо земельных наделов служилые люди получали также и небольшие денежные “дачи”. На смотрах перед походами с них изымали даже своеобразный “налог на войну” — по одной мелкой серебряной монете. Подсчётом полученных монет устанавливалось точное количество собранных воинов. По прибытии из похода каждый забирал свою монету, а остаток давал представление о потерях.

Смотр служилых людей, С.В. Иванов

В войсках поддерживался строгий порядок: если к кому-то из служилых людей прибывал гонец от имени государя с приказом явиться на сбор или для несения какой-либо службы, то ещё до того, как гонец поскачет в обратный путь или к другим служилым людям, получивший приказ обязан был вскочить на коня или сесть в сани и с оружием в руках отправиться в поход, даже если он болен или ранен.

Служилый человек из дворян или детей боярских вооружён был, как правило, саблей или боевым топором, кинжалом и луком со стрелами (огнестрельное оружие в дворянском ополчении было большой редкостью, незначительное его количество появилось только в XVII веке). Из защитного вооружения использовались шлемы, кожаные шапки с нашитыми на них железными бляхами, кольчуги, нагрудники, “дощатые доспехи” (т.е. кольчуги, усиленные металлическими пластинками), щиты, которые всё больше выходили из моды. Но отнюдь не у всех хватало средств на покупку настоящих доспехов: многим служилым людям приходилось воевать или совсем без них, или в тегилях — толстых кафтанах, подбитых ватой.

Всю жизнь, с юности и до старости, дворяне обязаны были нести военную службу. Война входила в их плоть и кровь и вместе с дворянским званием передавалась по наследству — от захудалых детей боярских из дальних городов до князей из рода Рюриковичей, потому что все они считались

служилыми людьми “по отечеству”, т.е. из поколения в поколение, от деда к отцу, от отца к сыну. За долгие годы и десятилетия занятий военным делом они приобретали навыки воинов-профессионалов. Посол германского императора в Москве барон Сигизмунд Герберштейн свидетельствует в своих записках о высоком умении русских кавалеристов: *“Повод из узды у них употребляется длинный... они привязывают его к пальцу левой руки, чтобы можно было схватить лук и, натянув его, пустить в ход. Хотя они вместе и одновременно держат в руках узду, лук, саблю, стрелу и плеть, однако ловко и безо всякого затруднения умеют пользоваться ими”*. В XVI веке русская конница была грозной силой и могла противостоять в открытом бою и туркам, и татарам, и ливонским рыцарям, и польско-литовской шляхте. Но она была слишком плохо организованной.

В XVII веке современники уже писали о дворянском ополчении без особого восторга: “Они никакого строя не знают”. С распространением ручного огнестрельного оружия и регулярных армий наёмников, обученных всем тактическим новшествам, дворянская конница России становится малоэффективной. На полях битв 13-летней войны между Россией и Речью Посполитой (1654—1667 гг.) она нередко терпела от поляков и литовцев тяжёлые поражения, и уже сами воеводы стали считать её пригодной разве что для подавления восстаний. В Петровское время дворянское ополчение отходит в прошлое.

Помимо служилых людей “по отечеству” немалую часть вооружённых сил Московского государства составляли служилые люди “по прибору”, су-

Стрелковый смотр 1557 года.

ществовавшие на государево денежное жалованье. Среди них самыми многочисленными были стрельцы — пехота, вооружённая пищалями (фитильными ружьями) и боевыми топорами особой формы (бердышами). Небольшая часть стрельцов, служивших при государе, была посажена на коней, и назывались эти стрельцы “стремянными”.

Первое упоминание об использовании ружей в русском войске относится к 1501 году, когда псковичи нанесли пищальным огнём тяжёлый урон осаждавшим их город ливонским немцам. Но первые постоянные части пеших стрелков — “стрельцов” — были сформированы только при Иване IV. Численность стрелецкого войска быстро росла: не минуло и полутора десятков лет после его возникновения, а в нём уже насчитывалось 12 тысяч человек. К концу XVI века стрельцов было 20—30 тысяч, а в середине XVII века — около 50 тысяч человек.

Стрельцы стали буквально незаменимыми при осаде и обороне крепостей. Они штурмовали Казань (1552 год) и Полоцк (1563 год), без стрельцов не обходился гарнизон любого мало-мальски солидного русского города. Очень неплохо зарекомендовало себя стрелецкое войско в дальних сибирских походах, когда стрельцы и их командиры должны были надеяться только на самих себя. Однако в полевых условиях, во время больших сражений, если пехоту не поддерживала дворянская кавалерия, то довольно часто её хватало лишь на один-два залпа, и после этого неизбежно следовало отступление под натиском шляхетской польско-литовской конницы или спаянных железной дисциплиной от-

Затинцики

Смотр пушкарей в середине XVI века.

рядов европейских наёмников шведского короля.

Царское жалованье было невелико и часто задерживалось. Чтобы заработать себе на жизнь, стрельцы часто брались за ремёсла и торговлю, заводили хозяйство, перемешивались с прочим посадским населением. Те из них, кому удавалось приобрести состояние, уже не желали рисковать головой на опасной военной службе и нанимали вместо себя других людей для отправки в походы и для несения караульной службы.

Служилыми людьми «по прибору» (т.е. существовавшими на государево денежное жалованье) называли не только стрельцов. К ним причисляли воротников, затинщиков, пушкарей, служилых («городовых») казаков и других ратников.

Затинщики и воротники назначались, как правило, из посадских людей. Занятия мелкой торговлей и ремеслом они успешно совмещали с военной службой. Обязанностями воротников считалась оборона городских стен и ворот, а также сменное несение караула. Главным оружием затинщиков была тяжёлая «затинная пищаль» — нечто среднее между небольшой пушкой и ружьём. Ходить с ней в походы было весьма затруднительно, однако при обороне крепостей именно затинные пищали представляли собой грозное оружие. Установленные «за тыном», т.е. за стеной (отсюда и название), они были неуязвимы для вражеского огня.

Пушкарей (артиллеристов) вознаграждали деньгами, а иногда и земельными пашенными наделами. Служба их передавалась по наследству. В XVI—XVII веках в городах выросли и пушкарские слободы — целые поселения, где жили эти воины со своими семьями. В середине XVI века для них были учреждены специальные «уставные грамоты», которые опреде-

ляли порядок и условия военной службы и её обеспечения. Любопытно, что среди пушкарей Московского государства можно было встретить немало иностранцев, чаще немцев.

КАЗАЧЕСТВО — особое военное сословие в царской России — имеет многовековую историю. Никто точно не знает, откуда пошло само слово “казак”. Большинство учёных считают, что оно тюркского происхождения и означает “вольный человек”. Другие полагают, что оно берёт начало в монгольском языке, где слово “ко” означает “броня”, “латы”, а слово “зах” — “межа”, “граница”, “рубеж”, т.е. “козах” — “защитник границы”.

В середине XVI века степные просторы по долинам Днепра, Дона, Волги и Урала, все “украины”, как тогда назывались окраины Московской Руси, заселялись людьми, бежавшими из центральных ее областей.

Правда, на этот счет существуют разные концепции вплоть до происхождения казаков от половцев, ногаев, еще каких-то племен — выходцев из глубин Азии и Востока. Но наиболее приемлемой является общепризнанная теория: казаки — это русские люди, выходцы из различных областей России, сгруппировавшиеся в вольные ватаги. Иначе чем же объяснить их изначально русский и украинский языки, православную веру, русские обряды и обычаи.

Сергей Михайлович Соловьев в своей многотомной “Истории России” говорит о казаках: “...Для людей, которые по разным причинам не хотят оставаться в обществе или принуждены оставить его, открывается путь к выходу из государства и приятная будущность — свободная разгульная жизнь в степи. Вследствие этого южные степные страны России по течению больших рек издавна населялись казацкими толпами”.

Соловьев придавал несколько романтическую окраску истинным причинам ухода людей в казаки, а вот повесть “Об Азовском осадном сидении” говорит о них более определенно:

“Отбеохом мы ис того государства Московского из работы вечныя, от холопство полного, от бояр и дворян государевых, да зде вселилися в пустыни непроходные”.

“Свободная разгульная жизнь” в степи была нелегкой и полной опасностей. Казаки первые принимали на себя удары крымских татар, турецких янычар и вихревые наскоки кочевых племен Причерноморья и Азии. Огонь, как известно, закаляет сталь; жизнь закаляла казаков, формировала из них легкую, подвижную, безумно храбрую армию защитников, завоевателей и ...хлеборобов. “Казацкие толпы, — говорит Соловьев, — с одной стороны служили пограничною стражею для государства против кочевых хищников, а с другой, признавая только на словах зависимость от государства, нередко враждовали с ним, иногда были для него опаснее кочевых орд”.

Турецкие, татарские, ногайские правители постоянно жаловались государю московскому на бесчинства казаков. Турецкий султан не единожды с гневом писал русскому царю о донских казаках, которые “Перекоп воевали и взяли Астрахань”.

Придерживаясь политики экспансии на юг и юго-восток, московские государи, отвечая на жалобы соседей и на словах обещая принять к дерзким “беглым людям и ворам” самые строгие и решительные меры, на деле не спешили исполнять свои угрозы. Вот образец отписки, исполненной членом посольства в Крыму боярином — князем Хворостининым. На требование Ахмета — уполномоченного хана Гирея к посольству “казаков с Дона свести, а к Дербенту и Шемахе дорогу очистить” — Хворостинин ответил: “На Дону живут казаки воры, беглые люди и, живучи на Дону, сложась с запорожскими черкесами, Азов теснят без государева ведома и государевых посланников не слушают. А теперь, как ваш государь с нашим государем укрепятся, то государь наш пошлет на Дон рать свою и велит тех воров, донских казаков перехватать и перевешать, остальных с Дону сослать и впредь на Дону не будет ни одного человека”.

Набирая силу и поощряемые бездействием московских властей, казацкие гулливые вольницы контролировали все степные окраины Российского государства. По словам Соловьева, они уже “не ограничивались тем, что не исполняли царских и посольских приказаний или выполняли их вполонину; они нападали не на одних ногаев, азовцев и крымцев, но, разъезжая по Волге, грабили суда царские, били людей, разбивали персидских и бухарских послов, русских торговых людей”.

Царь понимал, что владея Югом, имея в русских руках могучие водные магистрали, пусть казацких, однако русских, Московия будет возвышаться над степью, сдерживать враждебные кочевые орды. Но дерзость казаков перешла все границы, и тогда царь Иван Грозный, “сам воевавший татар”, посылает на казаков сильную рать во главе со своим стольником Иваном Мурашкиным. Огнем и мечом прошелся стольник по казацким станицам на Дону и Волге: казаков ловили, вязали и отправляли к прежним хозяевам, но многих казнили, а жилища сжигали.

Бросились тогда уцелевшие ватаги на три стороны: одна пошла на Терек, другая на Яик, а третья вверх по Волге. Вел ее атаман Ермак. Собрал он меньших атаманов и такую речь держал: “Не корыстна у нас шутка зашучена: гуляли мы по синему морю, били мы посла персидского и как нам на то будет ответственность?! В Астрахани жить нельзя, на Волге жить — ворами слыть, на Яик идти переход велик, в Казань идти — грозен царь стоит, в Москву идти — перехватанным быть: пойдете мы в Усоля к Строгановым!” Так или не так говорил атаман, была или не была у него договоренность с уральским владыкой, только оказались донские казаки в Зауралье, а оттуда и в Сибири.

Так или иначе, первое его появление в документах слова “казак” относится к 1444 году. Речь шла о так называемых городских казаках, которые были обязаны нести гарнизонную и пограничную службу на укрепленных линиях по южным и восточным границам Руси. Именовались они по на-

званию того города, где служили. Эти воинские люди имели собственных лошадей и снаряжение.

В XVI веке уже многие тысячи таких казаков числились на московской службе. Они участвовали во всех крупных военных кампаниях Московского государства. Как и пушкарей, городских казаков жаловали деньгами и землёй, причём землю они нередко получали в коллективное пользование. Правда, земельные наделы им давали меньших размеров, чем служилым людям “по отечеству”, но по сравнению со служилыми “по прибору” казаки были в большем выигрыше. Нередко они становились “детьми боярскими”, приобретая таким образом к низшему звену дворянского сословия. Особенно грозную силу казаки представляли во времена Смуты начала XVII века, тогда общая численность их возросла в несколько раз. Казачье войско всё больше напоминало настоящую армию. Очень часто гарантией победы одного из противников был переход на его сторону казачьих отрядов.

В походах и сражениях второй половины XV — начала XVII веков армии московских государей делились на полки. Стрельцы и “наряд” (артиллерия) имели свою собственную, отдельную от полков организацию. Только в середине XVII века в связи с зарождением полков нового строя в войсках России начали появляться воинские части с постоянными составом и численностью.

После распада Золотой Орды татары нередко переселялись в пределы Московского государства. Отпрыски знатных ордынских фамилий вместе с семьями, воинами и приверженцами приезжали к великим князьям и просили предоставить им места для проживания. Князья соглашались, но за это требовали от будущих подданных полной политической и военной поддержки. Всё это очень напоминало отношения между великими и вассальными князьями, русскими государями и теми, кто нес службу в их владениях. Поэтому такие татары стали называться служилыми. В разное время выехавшим из Орды и её наследных ханств “царевичам” давались в удел такие города, как Звенигород, Кашира, Юрьев-Польский... Условия были жёсткими: в любой момент город могли отобрать, заменить его на другой или вообще оставить без удела данного татарского предводителя, если его поведение не нравилось русским властям. Кроме того, для постоянного поселения выходцам из Ногайской Орды был отдан городок Романов на Волге, а сыну первого казанского хана Улуг-Мухаммеда Касыму — Городец в Мещёрской земле (с того времени и донныне этот город в Рязанской области носит название Касимов). Владения вокруг Касимова составили зависимое от Москвы ханство. Его правители назначались царём и всецело зависели от него.

Почему же всё более крепнувшее Московское государство делилось землями с бывшими поработителями? Что было привлекательного в них для правительства? Во-первых, высокое происхождение татарских эмигран-

тов позволяло им претендовать на ханские троны в Казани, Астрахани и Бахчисарае. А так как эти люди целиком зависели от русского царя, то в тех случаях, когда московские ставленники становились ханами, татарские государства превращались в союзников, а иногда и вассалов России. Однажды дошло до того, что царь Иван IV выдал ярлык хану Едигеру на право царствовать в Сибири.

Во-вторых, длительное подчинение Руси Золотой Орде выработало стойкое почитание династии Чингисхана, которая правила там. По свидетельствам средневековых источников, татарские “царевичи” при кремлёвском дворе считались “честью бояр выше”, их происхождение расценивалось как более благородное и высокое, чем происхождение русской боярской знати. Ясно, что внешнее преклонение и придворный церемониал в отношении служилых ханов — потомков Чингисхана — были столь же пышными, как и в отношении русских государей — потомков Рюрика. То один, то другой служилый хан (“царь”, как называли их в русских летописях и документах той эпохи) оказывался наиболее приближенным к московскому государю. И не раз, отправляясь в далёкий военный поход, великий князь или царь передоверял управление в стране не родственнику или союзному князю, а одному из своих татарских подданных. При Иване Грозном, когда территория государства была разделена на опричнину и земщину, власть над земской частью державы поручалась потомкам татарских ханов. В 1575 году царь Иван даже на время уступил престол служилому хану Симеону Бекбулатовичу, а после смерти Грозного бояре собирались венчать на царство Симеона, чтобы не допустить к власти Бориса Годунова. Желательным условием для счастливой карьеры татарского сановника на Руси было его обращение в православную веру. Потому так непривычно звучат имена служилых “царей” и “царевичей”, сыновей некрещёных отцов: Симеон Бекбулатович, Симеон Касаевич, Александр Сафа Гиреевич, Пётр Ибрагимович, Михаил Кайбулович и т.п.

Основная же польза служилых татар для Московского государства состояла в их военном мастерстве. Многочисленная татарская конница, лёгкая на подъём, очень манёвренная и быстроходная, не требовала длительного приведения в боевую готовность в случае войны. Необычная для европейских солдат тактика в походах и сражениях не раз приводила к победе русских войск, если в их составе находились отряды служилых татар. Можно утверждать, что и Ливонская война в Прибалтике и Белоруссии 1558–1583 годов велась в значительной степени силами татарских подданных московского царя.

В самом деле, давайте представим чувства тех же ливонских рыцарей в сражении с татарами. Привыкшие к размеренному передвижению в строю, к европейским способам ведения боя, к упорительным атакам под развёрнутыми знаменами, ливонские рыцари терялись перед новым, необычным для них противником. Вот скачет ливонец навстречу смуглому конному ко-

пейщику в мохнатой шапке, намеревается пронзить его пикой — а татарин вдруг резко сворачивает в сторону на своей обученной лошади и выволакивает немца из седла особым крюком, который, оказывается, прикреплен у него под наконечником копья. А за ним уже несётся следующий татарин с занесённой саблей... Ливонец гарцует перед вражеским богатырём, хочет скрестить клинки в честном поединке — и вдруг откуда-то сбоку летит аркан, и рыцарь валится наземь, становясь неповоротливым и беспомощным в своих пудовых латах. Много раз холодело на душе у польских, литовских, немецких, шведских противников России, когда горизонт на поле брани темнел от многотысячной конной лавины. Татары шли в наступление не под привычными для европейцев весёлыми разноцветными флагами, а под зловещими бунчуками — конскими хвостами на рогатых шестах — и под дикий громopodobный рёв “ура” (т.е. “вперёд” по-монгольски). Зато против татарской конницы крымчаков сами русские не раз использовали в схватках уникальный метод обороны – “гуляй-город” — подвижную крепость, состоявшую из щитов, поставленных на телеги, из-за которых стрельцы ружейным и пушечным огнём отгоняли легко конных всадников (Впервые подобные сооружения появляются у славян еще в VII веке).

Чаще всего в те времена военные действия начинались в мае и прерывались в августе, когда дороги размывало дождями. Или же в поход выходили по зимним дорогам, по льду рек, в ноябре — феврале, до весенней оттепели и распутицы. Ежегодно на южную границу — к Оке и в рязанские земли — отправлялись десятки тысяч воинов, чтобы оборонять рубеж от татарских набегов. И на это были серьезные основания.

В июле 1572 года орда крымского хана Девлет-Гирея, насчитывавшая, по разным сведениям, от 40 до 60 тысяч воинов, вторглась в пределы Московского государства. Над русской столицей нависла страшная опасность. Русские полки, оборонявшие степную границу, намного уступали по численности силам крымцев. Но искусные и мужественные воеводы — князя Михаил Воротынский и Дмитрий Хворостинин — решили стоять насмерть, потому что за их спиной не было иных заслонов до самой Москвы.

Воротынский укрепил свою позицию “гуляй-городом” — подвижной крепостью, состоявшей из телег, на которые были поставлены деревянные щиты с прорезанными в них бойницами и пушки. Девлет-Гирей обошёл “гуляй-город” и устремился к Москве, но в тыл ему ударил небольшой отряд Хворостинина. Арьергард (т.е. часть войск, высылаемая в тыл с целью задержать наступление противника или выиграть время для отрыва от него) татар был разбит, и в дело вступили отборные ханские силы, которые московский воевода, отступая, смог заманить к самому “гуляй-городу”. Тут полк Хворостинина внезапно свернул в сторону. Неожиданный шквальный огонь московских пушек и тысяч стрелецких пищалей из-за деревянных щитов рассеял крымцев.

Полевое оборонительное сооружение славян.

2 августа основные силы татар пошли на штурм “гуляй-города”. Современник так описывает последовавшую битву: “И как татарове пришли к “гуляй-городу”, да взялись руками за стену... — и наши стрельцы тутю многих татар побили и рук бесчисленно татарских отсекли. И князь Михаи́ле Ива́нович Вороты́нский обошёл со своим большим полком... татар оврагом, приказав... всем пушкарям ударить изо всех пушек. И как выстрелили из пушек, князь Михаи́ле Ива́нович Вороты́нский сзади напустился на крымские полки...” Из “гуляй-города” навстречу ему сделал вылазку Хворостинин, ударив по татарам со стрельцами и отрядом иностранных наемников. Крымцы, оказавшись меж двух огней, не выдержали и побежали. При этом погиб сын Девлет-Гирея, и в русском плену остался лучший татарский полководец Дивей-мурза”.

Крымский хан обратился в бегство, Москва была спасена. Бои у деревни Молоди продолжались почти неделю и окончились полной победой русских. По своему значению для российской истории сражение у Молоди достойно быть поставленным в один ряд с Куликовской битвой.

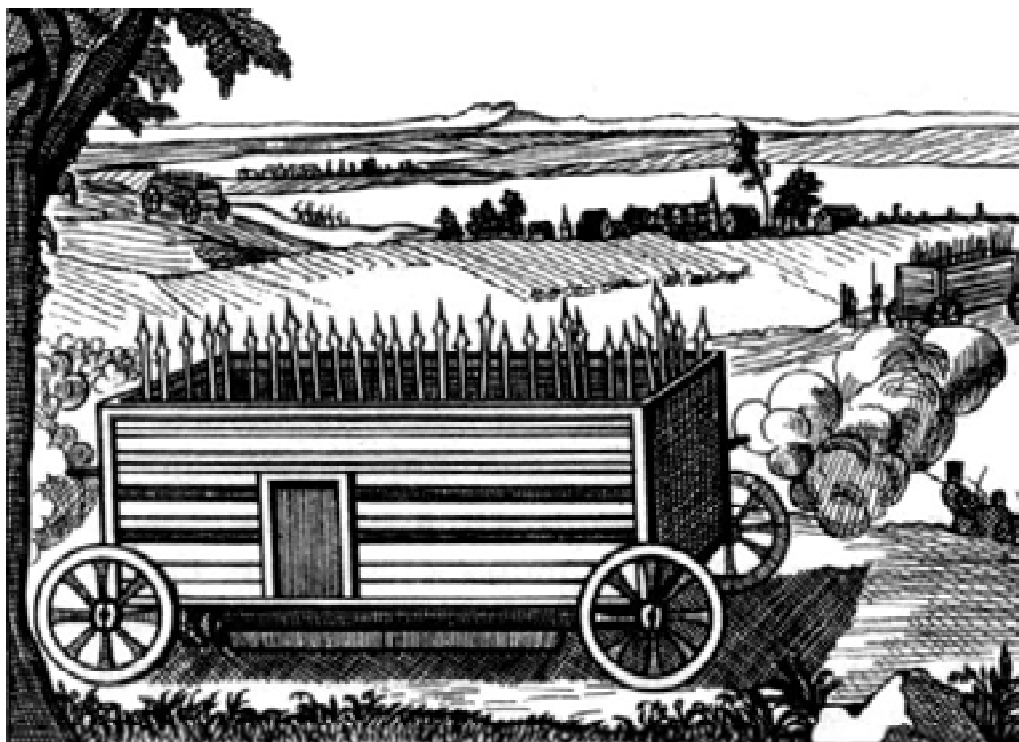
(“Тактика и управление войсками” стр. 334)

В 30—50-х годах XVII века на юге России были построены мощные “засечные черты” — линии укреплений, усиленных крепостями (“острогами”), ставшие прочной преградой на пути крымчаков. Необходимость в “гуляй-городе” отпала.

Против западных соседей использовалась иная военная хитрость: по словам итальянца Барберини, посетившего Московское государство при Иване IV, “всякий

раз, когда случится московскому государю затеять войну, он повелевает, чтобы по дороге были всеми поселянами выставлены их лошади для почтовой езды, и таким образом от шести до восьми тысяч людей, по пятисот человек разом, пролетают в несколько часов из одного места в другое, так что войско вторгается в неприятельскую землю внезапно”.

Английский мореплаватель Ричард Ченслор с удивлением и восхищением отзывался о русских воинах XVI века: *“Простой солдат не имеет ни палатки, ни чего-либо иного, чтобы защитить свою голову. Наибольшая их защита от непогоды — это войлок, который они выставляют против ветра и непогоды, а если пойдёт снег, то воин отгребаёт его, разводит огонь и ложится около него. Так поступает большинство воинов великого князя, за исключением дворян, имеющих особые собственные запасы... Каждый должен добывать или нести провизию для себя и для своего коня на месяц или два, что достойно удивления. Сам он живёт овсяной мукой, смешанной с холодной водой, и пьёт воду. Его конь ест зелёные ветки и тому подобное, стоит в открытом холодном поле без крова и всё-таки работает и служит хорошо. Я спрашиваю вас, много ли нашлось бы среди наших хвастливых воинов таких, которые смогли простоять с ними в поле хотя бы месяц?”*

“Гуляй-город”. XVII век.

В открытых полевых сражениях московским войскам не очень-то везло, поскольку они не отличались высокой организованностью. Но при осаде или обороне крепостей ратники московских государей проявляли и упорство, и мужество, и высокое воинское искусство.

В бою русские полки издавали ужасающий шум и грохот, но не столько из-за ружейной и пушечной пальбы, сколько благодаря бою в барабаны, литавры, бубны, которые вёз с собой чуть ли не каждый всадник, а также завыванию зурн и разных типов труб, позаимствованных у восточных народов. Подобным образом воеводы пытались устрашить неприятеля. В иных случаях при помощи барабанных сигналов производилось управление войсками.

Во главе полков и крепостей ставились одновременно по двое-трое воевод, чтобы они присматривали друг за другом и не позволяли старшему из них — первому воеводе — замышлять измену или проявлять нерадение к делам. У стрельцов и при “наряде” всегда стояли отдельные воеводы. Через год или два всех воевод в крепостях меняли. В помощь воеводам назначались грамотные чиновники — дьяки. Основным фактором при распределении должностей (“мест”) считались знатность и занятие предками более или менее важных постов, хотя наряду с этим учитывалась и “служба”, т.е. служебные качества кандидатов на должность. Если одному из воевод казалось, что менее знатный человек занял в войске “место”, равное его собственному или выше, то он принимался “местничать”: писать челобитные на имя государя, жалуясь, что ему “невместно” сидеть на должности ниже такого-то “худородного”.

За трусость, измену или упущение по службе служилого человека ожидали конфискация земельных владений, заточение в тюрьме, наказание кнутом, невзирая на знатность и возраст, и даже осуждение на пытку и смертную казнь. Зато и награждать московские государи умели щедро. Наградами в XVI—XVII веках могли служить новые поместья, деньги, драгоценности, меха, шубы. Знаком особого отличия считались золотые монеты и своего рода медали из золота с изображением царствующих особ.

Российские и иностранные историки по-разному оценивали эффективность военной машины Московского государства: всё устройство русских вооружённых сил попеременно то подвергалось преувеличенно резкой критике как никуда не годное, то превозносилось до небес как неизменно победоносное. На самом деле необходимо отметить, что когда назревала необходимость проведения реформ в военной сфере, русское правительство, стремясь не отстать от Европы, прикладывало в этом направлении максимально возможные усилия и никогда не жалело средств.

Окончательное оформление приказов как учреждений произошло в конце XVI века, когда для каждого из них были установлены определённый

штат и бюджет. К этому же времени относится и постройка уже упоминавшегося здания приказов, призванного внушать почтение приходящим просителям. Первоначально штаты приказов были невелики. Кроме судьи и дьяка в приказе работали подьячие, имелись также приставы и сторожа, а в некоторых приказах (Посольском и Казанского дворца) — переводчики и толмачи (последние переводили устную речь). Преобладали небольшие учреждения с пятью-шестью подьячими. Наиболее крупные из приказов — Разрядный и Поместный — имели до десятка подьячих.

Особенностью приказов XVI века была большая роль, которую играли в их деятельности дьяки, особенно думные (т.е. принимавшие участие в заседаниях Боярской думы). Дьяки того времени, зачастую выходцы из дворянской среды, были крупными государственными деятелями. Среди них выделялись дьяки Посольского приказа — Иван Михайлович Висковатый и братья Щелкаловы. Нередко приказы назывались по именам возглавлявших их дьяков. Например, Новгородская четверть, входившая в состав Посольского приказа, именовалась Приказом думного дьяка Василия Яковлевича Щелкалова. Приказные дьяки в большей степени подчинялись царю, чем Боярской думе, и были верными царскими слугами. Однако это не помешало Грозному во время одной из расправ зверски казнить на Поганой луже (современных Чистых Прудах) почти всю дьяческую верхушку приказов, обвинив её в государственной измене.

Построение русского войска второй половины XVI века

Создание такой системы, несмотря на множество ее недостатков, позволило Ивану Грозному покорить Казанское ханство, вести длительные Ливонские походы за выход к берегам Балтийского моря, расширять пространства Московские на востоке за счет Урала и колонизации Зауралья и Сибирских земель.

Правда, надо сказать, что русские открыли для себя Зауралье в давние времена, не позднее XI века. Первыми явились сюда новгородцы, привлеченные слухами о несметных пушных богатствах. С XII столетия Новгородское государство снаряжало в эти края военные экспедиции для сбора дани с коренных жителей. В летописях рассказывается о походах 1187, 1193, 1264, 1323, 1325, 1329, 1364 годов. Во время последнего похода новгородцами к востоку от Урала были основаны первые русские укрепленные городки. С 1374 года известен Хлынов, как укрепленный пункт на северо-востоке русских земель. Между 1401 и 1409 годами на Верхней Каме был построен первый русский городок Анфаловский. В 1430 году посадские люди Калинниковы основали городок Усолье-Камское. Военно-оборонительные поселения возводились и местным населением, противившимся захвату своих земель (Урос, Чердынь, Покча, Искор). В XV-XVII веках они продолжали использоваться русскими. Например Искор был единственной крепостью-

На пристани в Новгороде. С картины К.В. Лебедева.

заставой, прикрывавшей с севера Пермь Великую от набегов сибирских татар. В дальнейшем на месте захваченных городков часто возводились крепости. (Н.Л. Крашенинников “К вопросу планирования городов Оренбургской линии”, журнал “Архитектурное наследие”, №27, 1979 год ; Советская военная энциклопедия, т. 6, М., 1978 год).

ОСВОЕНИЕ ВОСТОЧНЫХ ЗЕМЕЛЬ

В XIV веке у сибирских татар зародилась государственность в виде Тюменского и Сибирского ханства. С подчинением Новгорода государству Московскому начинается активное проникновение русских за Урал. В 1465 году ратники воеводы Василия Скрыбы завоевали Югорскую землю – часть Зауралья. К титулу государя Московского добавилось - и “Югорский”. Военные походы позволили русским завязать более тесные отношения с сибирскими ханами, но не сделали по-настоящему их крепкими.

К началу XIV века Тюменское ханство распалось, а правители оставшегося Сибирского противились укреплению власти Москвы и сами иногда осуществляли набеги на русские земли. Но навстречу им уже неудержимо шла колонизация Прикамья. После покорения в 1552 году Казани, последовали завоевание Поволжья и Башкирии, открылся новый удобный путь дальнейшего продвижения на восток – реками Волгою и Камою. Первыми опорными пунктами Московского государства стали: на Волге – укрепление Самара; на северо-востоке – крепости Уфа, Мензелинск, Бирск, Оса и первая Закамская укрепленная линия с рядом крепостей. В них группировались первые колонизаторы края, пионеры, первопроходцы – городовые казаки, станичники и стрельцы. С ними появились здесь плуг, крест и евангелие. Под их защитой строились новые города, крепости, остроги и слободы, распространялось христианство, развивались промышленность и торговля и, вообще, крепла государственность.

Воинские люди с охотой встречали новых поселенцев, поток которых возрос со времени усиления крепостного права, надеясь на их поддержку в борьбе с кочевниками.

Первоначально отношение сибирских ханов к Москве было благожелательное. В XVI веке татары ссорились между собой, а значения Москвы не понимали и не предвидели. Покорение Казани в 1552 году и затем Астрахани в 1556-м изменило, хотя и не сразу, отношение Сибири к Москве. Сначала сибирский хан Едигер, поздравляя Ивана Грозного со взятием Казани, бил ему челом, просил принять под его высокую руку и обязывался ежегодно платить дань. Сам Едигер, конечно, при этом рассчитывал на помощь Москвы в борьбе со своими многочисленными врагами. Но не получив дол-

жной помощи от Московского государства, вследствие большой удаленности, был убит ханом Кучумом, потомком Чингизхана. Энергичный и хитрый Кучум стал укреплять и расширять свои владения за счет вогулов, остяков и башкиров, окружавших эту землю с запада и северо-запада. На западе Кучумовская Сибирь граничила с Пермским Казанским ханством, лежала по западную сторону Уральского хребта, в Европейской России.

В свою очередь русское государство стремилось разведать, что лежит за Сибирью, о странах и дорогах за нею. В 60-х годах XVI века в Сибирь была направлена первая русская разведывательная экспедиция атамана Петрова.

В этой ситуации царское правительство пошло на предоставление чрезвычайных полномочий уральским и сибирским вотчинникам, солепромышленникам и купцам Строгановым, которые добывали здесь серебряную и железную руды. Последние, в свою очередь, согласились принять на себя задачу организации обороны уральских земель. Они получили право иметь постоянную военную силу из наемных казаков в дополнение к тем гарнизонам, которые находились в их вотчинных городах и острожках. Все это стало той засечной чертой, о которую разбивались набеги кочевников.

Началось освоение русскими Сибири, где на землях коренных народов властвовал хан Кучум. По преданиям, одна из ставок Кучума находилась в Шатровском районе Курганской области. В 1573 году осуществлялось строительство новых укрепленных городков на Тобол-реке.

Волжские казаки во главе с атаманом Ермаком Тимофеевичем пришли сюда, спасаясь от царского гнева, ибо их разбои на Волге превысили меру терпения правительства. Пришло до 540 человек. Два года они проживали во владениях Строгановых, перебираясь с места на место. Но скоро убедились, что Прикамский край — не Волга, что им 540 человекам кормиться здесь трудно, “казацкого” хлеба нет. Вернуться назад они не могли, их ждала там тюрьма или казнь. Те сведения, которые они узнали об инородцах, за это время вселили в них надежды поискать “своего хлеба” в богатом сибирском царстве. Казаки представляли довольно значительную воинскую силу. Вооружены они были пищалями с огненным боем, топорами, копьями, пиками, саблями. В 1579 году Строгановы пригласили их к себе на службу.

1 сентября 1581 года дружина Ермака двинулась вверх по реке Чусовой. Казаки “шли” в стругах, перетаскивая их волоком с одной речки в другую. В верховьях реки Чусовой зазимовали и только с наступлением весны перешли за Урал и пошли по притокам реки Тагила, затем выплыли в реку Туру, где одержали победу над окрестными жителями, пытавшимися преградить им путь. Инородцы, идя по берегам, держали казаков в непрерывном напряжении, утомляя их частыми внезапными нападениями. Тем не менее, казакам удалось добраться до городка Чинги, ныне Тюмень, и взять его. Здесь они вновь зазимовали. Новая победа весной 1583 года над кучу-

мовцами открыла им путь к реке Тобол.

Отсюда началась самая трудная часть похода, ибо Кучум собрал немалые силы и часто нападал на казаков. Были минуты колебания, было желание бросить задуманное и повернуть назад. Особенно сильно заколебалась дружина Ермака, когда она достигла устья реки Тавды. Можно было войти в эту реку и, поднявшись ею, добраться назад до Урала. Но это было только временное колебание. К концу осени 1583 года казаки достигли устья Тобола и вошли в Иртыш. Приостановились на две недели и, по казацкому обычаю, кинулись на “столицу” Кучума — Искер. 25 октября Искер был взят. Кучум, его татары, их союзники вогулы и остяки бежали в разные стороны. Взятие Искер произвело сильное впечатление на кочевые и бродячие племена края, и соседние князьки стали являться к Ермаку с выражением своей покорности и готовности платить дань.

Но положение казаков Ермака было чрезвычайно тяжелым. Из небольшой дружины многие полегли в битвах, немало умерло от тяжелых трудов и лишений. Немногочисленные, истощенные победители очутились как бы на небольшом острове, окруженном инородцами, враждебными, готовыми

Покорение Сибири Ермаком. С картины В.И. Сурикова.

напасть на казаков при первых же признаках их неудачи.

Нельзя не удивляться той сноровке, находчивости, государственности, которую проявил Ермак Тимофеевич. Обо всем случившемся он извещал Москву. Поджидая помощи от Москвы, его отряд совершал разведки в разные стороны и покорял инородческие племена. Казаки ходили вниз и вверх по Иртышу, Тоболу и Тавде. Прибытие же в Москву посланцев Ермака описывается так:

Посольство Ермака

Шепот, раздавшийся во дворце между придворными, был внезапно прерван звуками труб и звоном колоколов. В палату вошли, предшествоваемые шестью стольниками, посланные Ермака, а за ними Максим и Никита Строгановы с дядею их Семеном. Позади несли дорогие меха, разные странные утвари и множество необыкновенного, еще не виданного оружия.

Иван Кольцо, шедший во главе посольства, был человек лет под пятьдесят, среднего роста, крепкого сложения, с быстрыми, пронизательными глазами, с черною, густою, но короткою бородой, подернутою легкою проседью.

— Великий государь! — сказал он, приблизившись к ступеням престола, — казацкий твой атаман Ермак Тимофеев, вместе со всеми твоими опальными волжскими казаками, осужденными твоею царскою милостью на смерть, старались заслужить свои вины и бьют тебе челом и новым царством. Прибавь, великий государь, к завоеванным тобою царствам Казанскому и Астраханскому еще и это - Сибирское, доколе всевышний благоволит стоять миру!

И, проговорив свою краткую речь, Кольцо вместе с товарищами опустился на колени и преклонил голову до земли.

— Встаньте, добрые слуги мои! — сказал Иоанн. — Кто старое помянет, тому глаз вон, и быть той прежней опале не в опалу, а в милость. Подойди сюда, Иван!

И царь протянул к нему руку, а Кольцо поднялся с земли и, чтобы не стать прямо на червленое подножие престола, бросил на него сперва свою баранью шапку, наступил на нее одною ногою и, низко наклонившись, приложил уста свои к руке Иоанна, который обнял его и поцеловал в голову.

— Поживи здесь, — сказал Иоанн благоволительно, — я тебя изрядно велю угостить. А грамоту Ермака мы прочли и вразумели и уже приказали князю Болховскому да Ивану Глухову с пятьюстами стрельцов идти помогать вам.

— Премного благодарствуем, — отвечал Кольцо, низко кланяясь, — толь-

ко не мало ли будет, великий государь?

Иоанн удивился смелости Ивана Кольца.

— Вишь ты, какой прыткий! — сказал он, глядя на него строго. — Уж не прикажешь ли мне самому побежать к вам на прибавку? Ты думаешь, мне только и заботы, что ваша Сибирь? Нужны люди на хана и на Литву. Бери что дадут, а обратным путем набирай охотников. Довольно теперь всякой голи на Руси. Вместо чтоб докучать мне по все дни о хлебе, пусть идут селиться на те новые земли! И архиерею вологодскому написали мы, чтобы отрядил десять попов обедни вам служить и всякие требы исполнять.

— И на этом благодарим твою царскую милость, — ответил Кольцо, вторично кланяясь. — Это дело доброе; только не пожалей уж, великий государь, поверх попов, и оружия дать нам сколько можно, и зелья огнестрельного поболее!

— Не будет вам и в этом оскудения. Есть Болховскому про то указ от меня.

— Да уж и пообносились мы больно, — заметил Кольцо, с заискивающей улыбкой и пожимая плечами.

Посольство Ермака

— Небось некого в Сибири по дорогам грабить? — сказал Иоанн, недовольный настойчивостью атамана. — Ты, я вижу, ни одной статьи не забываешь для своего обихода, только и мы нашим слабым разумом обо всем уже подумали. Одежду поставят вам Строгановы; я же положил мое царское жалованье начальным и рядовым людям. А чтоб и ты, господин советчик, не остался без одежды, жалую тебе шубу с моего плеча!

По знаку царя два стольника принесли дорогую шубу, покрытую золотую парчой, и надели ее на Ивана Кольцо.

— Язык-то у тебя, я вижу, остер, — сказал Иоанн, — а есть ли острая сабля?

— Да была недурна, великий государь, только поиступилась маленько о сибирские головы!

— Возьми из моей оружейной саблю, какая тебе боле приглянется, да смотри, выбирай по сердцу, которая покраще. А впрочем, ты, я думаю, чиниться не будешь!

Глаза атамана загорелись от радости.

— Великий государь! — воскликнул он, — Изо всех твоих милостей эта самая большая! Грех было бы мне чиниться на твоём подарке! Уж выберу в твоей оружейной что ни на есть лучшее! Только, — прибавил он, немного подумав, — коли ты, государь, не жалеешь своей сабли, то дозвожь лучше отвезти ее от твоего царского имени Ермаку Тимофеичу!

— Об нем не хлопочи, мы и его не забудем. А коли ты боишься, что я не сумею угодить на его милость, то возьми две сабли, одну себе, другую Ермаку.

— Исполать же тебе, государь! — воскликнул Кольцо в восхищении. — Уж мы этими двумя саблями послужим твоему царскому здоровью!

— Но сабель не довольно, — продолжал Иоанн. — Нужны вам еще добрые брони. На тебя-то мы, примеривши, найдем, а на Ермака как бы за глаза не ошибиться. Какого он будет роста?...

Вскоре принесли тяжелую железную кольчугу с медною каймой вокруг рукавов и подола и с золотыми двуглавыми орлами на груди и спине.

Кольчуга была скована на славу и возбудила во всех одобрительный шепот.

— Поживи здесь, — сказал царь Ивану Кольцу, — а когда придет время Болховскому выступать, иди с ним обратно в Югорскую землю. ... Да я было и забыл, что Болховской свое колено от Рюрика ведет. С этими вельможными князьями управиться нелегко; пожалуй, и со мной захотят в рядах считаться! Не все они, как тот Микита, в станичники просятся. Так чтобы не показалось ему обидным быть под рукою казацкого атамана, жалую ныне же Ермака князем Сибирским! Щелкалов, — сказал он стоявшему поодаль думному дьяку, — изготовь к Ермаку милостивую грамоту,

чтобы воеводствовать ему надо всю землей Сибирскою, а Маметкула чтобы к Москве за крепким караулом прислал. Да, кстати, напиши грамоту и Строгановым, что жалую-де их за добрую службу и радение: Семену - Большую и Малую Соль на Волге, а Никите и Максиму торговать во всех тамошних городах и острожках безошлинно.

Строгановы низко поклонились.

(А. Толстой "Князь Серебряный")

В 1584 году из Москвы на помощь Ермаку прибыл отряд стрельцов во главе с князем С. Болховским, назначенным главным воеводой Сибири.

Казачи и новопришедшие войска провели трудную зиму, многие из них умерли от голода и холода. Весною неутомимый Ермак отправился вверх по реке Иртышу, получив известие, что к Искеру идет караван из Бухары, а Кучум его не пропускает.

Но этот поход стал для него роковым. Завоеватель Сибири доплыл по Иртышу до теперешнего города Тары, где вместе с отрядом попал в засаду и погиб в неравном бою на реке Вагай. Остатки его дружины и войско, приведенное Болховским, вскоре после этого оставили Сибирь. В нее вернулись прежние владельцы.

Вместе с Ермаком погибла большая часть его сподвижников, но не могло погибнуть его славное дело. Первые отряды, посланные на помощь Ермаку, вернулись назад, но последующие, под началом Сухина и Мясного, а после Чулкова, вернули Москве завоевания Ермака.

Завоевания Ермака, конечно, меньше теперешней Сибири. Покоренное им Сибирское царство — это земли по рекам: Туре, Тоболу и Иртышу от устья реки Тобола приблизительно до устья реки Тары.

Дальнейшее присоединение громадных сибирских земель, их колонизация в значительной мере связаны с историей и деятельностью сибирского казачества.

Сибирское казачество возникло, стало формироваться и развиваться в конце XVI века. Остатки забравшихся за Урал дружин Ермака слились с посланными для охраны границ и постройки укрепленных острогов частями царских войск, в которых немало было все тех же казаков, набранных частью из строгановских людей, частью из московских охотников, стрельцов, пограничных казаков и т. д. Вместе они составили ту первоначальную ячейку, из которой развивалось впоследствии сибирское казачество.

Есаул курганского отдела Сибирского казачьего войска Виталий Иванович Сулима, увлеченно занимающийся историей казачества, в своих исследованиях пишет, что на Курганской земле и сейчас живут потомки тех казаков, кто вместе с Ермаком Тимофеевичем были первопроходцами в нашем крае. В частности, подручный Ивана Кольцо Черный Курбат, ходивший с

ним в Москву на поклон к царю-батюшке, ехал туда со страхом и трепетом за совершенные им грехи, а возвратился в Сибирь вольным казаком Алексеем Курбатовым, имеющим благословение от самого царя Ивана Грозного.

Женился Алексей Курбатов в Сибири на красавице-татарке, которая подарила ему трех сыновей: Георгия, Иоана и Ермака. От последнего из сынов Черного Курбата, осевшего навечно в наших краях, где нынче находится село Кипель Шумихинского района, и идет корень казаков Курбатовых. Один из них казачий есаул Виктор Васильевич Курбатов живет сейчас в Кургане.

Первоначально казачество было рассеяно в разных местах небольшими отрядами и заключалось в нескольких казачьих командах, не имевших между собой тесной связи и различавшихся по названиям городов, в которых они проживали. Так, были казаки тюменские, березовские, исетские, томские, красноярские, ишимские, якутские и другие. Все они получили впоследствии общее название городских казаков, делились на конных и пеших и, находясь в подчинении управляющих городами воевод, состояли под командой казачьих голов, сотников, пятидесятников, десятников, назначавшихся воеводами из их же среды. Были и линейные казаки, которые занимались охраной границ юга Сибири (например, Иртышская линия). Составляя гарнизоны острожков и городков, они отбывали в них всевозможные службы, которые поручали им воеводы, но их главная обязанность заключалась в “проведывании новых земель и подведении неверных под высокую Государеву руку”. Благодаря этим “проведываниям и подведениям” казаки за какие-то 30-40 лет успели пройти всю северную Сибирь от первоначально занятого Ермаком Кучумовского царства до восточных берегов Азии. Сначала они овладели Енисеем, потом утвердились в Забайкалье, оттуда дошли до Лены, проникли на Амур. Наконец, через 100 с небольшим лет от Ермаковского похода русская власть была утверждена ими на Камчатке — крайнем восточном пункте, за которым уже волны Тихого океана поставили неодолимую преграду казачьему стремлению вперед. Таким образом, казаки, занимая одну за другой земли, на которые они смотрели с точки зрения богатой почвы, в конце концов, подвели под власть России не только Сибирь, но и весь северо-восток Азии. Все дальнейшие приобретения на юге и юго-западе ее также или сделаны, или закреплены казаками, и только при покорении Приамурья и Туркестана действовали регулярные войска, но и в этих предприятиях участие казачества сказывалось весьма сильно, а заселен Амур был главным образом опять же казаками.

Сибирские казаки, в число которых в то время зачислялись и опальные люди, сосланные в Сибирь, входили в общую массу сибирских служилых людей и наравне с ними получали определенное жалованье, а за особые заслуги и особые награды, в ряду которых на долю казаков выпадало и пожалованье дворянством.

Вскоре после похода Ермака началось заметное переселение крестьян в Сибирь, многие из них осели в Зауралье. Крестьяне приходили из разных мест Русского государства. Многие из них шли за Урал в поисках новых земель и свободы от крепостного гнета. Крестьяне сыграли главную роль в заселении и освоении земель вдоль реки Исети, а позднее — по Тоболу. Тут повсюду, куда ни глянь, лежали бескрайние, необжитые земли. Их называли тогда “диким полем”. Здесь кочевали небольшие отряды татар во главе с ханами, между которыми велись постоянные войны. Отсюда они совершили набеги на поселения, находившиеся в Исетском крае. Поэтому заселение бассейна реки Тобол проходило медленно, с опаской.

На рубеже XVI – XVII веков началось активное освоение Урала и Западной Сибири. Путем широкой колонизации их земель решались многие экономические и хозяйственные вопросы. Как осваивались эти огромные пространства, относительно редко населенные местными народами, можно судить по годам основания государевых острогов, городков и крепостей, которые в дальнейшем превращались в административные, ремесленные и религиозные центры. Не имея достаточно сил для обороны края, правительство было вынуждено давать крупные земельные пожалованья частным лицам с условием, что они примут на себя расходы по строительству военно-оборонительных поселений. Так возникла сеть острогов на землях Строгановых. Вдоль Камы для защиты торговых путей были возведены : Уфа (1574 год), Сарапул (1556 год), село Архангельское (Бирск), Солеваренный городок (Табынск). Для охраны волока в верховьях реки Тагил — Верхне-Тагильский городок (1583 год).

Летом 1586 года в устье реки Тюменки, притоке реки Туры, была основана Тюмень. В 1587 году письменный голова Данила Чулков заложил Тобольский острог, который в 1590 году получил статус города и стал военно-административным центром всей Сибири.

В конце XVI века возникают новые военно-административные центры: Лозьвинский городок (1588 год), Пелым (1593 год), Берёзов (1594 год). В этом же году князь Андрей Елецкий с полуторатысячным экспедиционным корпусом поднялся по Иртышу и близ впадения в него речки Тары основал Тарский городок – военно-опорный пункт, сыгравший важную роль в разгроме Кучума. В августе 1598 года отряд воеводы князя Ивана Масальского –Кольцова нанес ему окончательное поражение. Распалось Сибирское ханство. В этом же году, в связи с открытием новой Бабиновской дороги, основывается город Верхотурье, который на длительное время стал своеобразными “воротами” из русской Европы в русскую Азию, а затем Епанчин (Туринск, 1600 год). Томск возникает в 1604 году, Енисейск – в 1619 году, Якутск – в 1632 году, Охотск – в 1648 году.

На Яике с того времени стало складываться Яицкое войско. Постоянные столкновения с кочевниками, отсутствие базы снабжения огневыми припасами заставили яицких казаков в 1619 году, уже в царствование Михаила Федоровича Романова, направить своих послов в Москву с поклоном и просьбой принять войско под свое покровительство. Царь благосклонно отнесся к просьбе казаков и выдал им грамоту “на владение рекою Яиком, с сущими при ней реки и протоки, и со всеми угожьями от вершины той реки и до устья”. Кроме пожалованной территории, царь дозволил казакам “набираться на житье вольными людьми”.

Идет активное освоение Зауралья. Здесь строятся крупные слободы с острогами и гарнизонами из беломестных казаков: старая и новая Невьянская (1621, 1625 годы), Ницинская (1624 год), Тагильская (1625 год), Верхне-Ницинская (1632 год), Ирбитская (1633 год), Мурзинская (1639 год), Пышминская (1646 год), Чусовская (1656 год), Катайская (1655 год), Челябинская (1658 год), Шадринская (1662 год), Царево Городище (Курган-1662 год), Камышловская (1666-1667 годы), Красноярская (1670 год), Арамилевская (1675-1676 годы), Новопышминская (1680 год), Багарякская (1689 год), Белоярская (1695 год). В Приуралье была построена Кунгурская крепость (1649 год). (Н.Л. Крошенинников “К вопросу планировки городов Оренбургской линии”, журнал “Архитектурное наследие” № 27, 1979 год)

В Приисетье первое русское поселение – Успенско-Исетская пустынь – появилось в 1644 году. До этого здесь имелись только временные сторожевые заставы. Основателем ее был Далмат (Дмитрий Иванович Мокринский), родившийся в 1594 году в Березовском остроге. Отец его Иван Мокринский служил в то время казачьим атаманом в Березове. Эта крепость основана русскими ратниками в ходе покорения сибирских остяков, вогулов и самоеди. Мать Дмитрия была из семьи тюменского татарина Илигея Магметова. В Березовском остроге Дмитрий рос и мужал, постигая военное дело. В то время сыновья, как правило, “верстались” на должность отцов. После смерти родителей Дмитрий служил государю по военным делам, жил в Тобольске и в 1628 году занимал должность городничего.

Сороковые годы стали в жизни Мокринского переломными. После кончины жены он пожелал посвятить остаток жизни своей в служении Богу. В Невьянском Богоявленском монастыре был пострижен в монахи и наречен именем Далмат. В 1644 году он покинул монастырь, взяв с собой икону Успения Божией Матери. Он пришел на левый берег реки Исети и здесь, при впадении реки Течи, у подошвы Белого Городища, в овраге ископал себе большую пещеру. Было ему тогда 50 лет. Благочестивая, подвижническая жизнь Далмата привлекала к нему многих иноков и мирян.

С их увеличением пещера стала тесной, и была возведена часовня, которая стала первым строением монастыря.

Монастырь сначала назывался Исетскою пустынью в Новой Сибири, потом Далматовской пустынью и, наконец, по имени основателя и принесенной им иконы – Далматовским Успенским монастырем.

В истории основания Сибири монастырь сыграл огромное значение. Он был на страже целого зауральского края против нападений орды. А также стал средоточием, вокруг которого начали селиться русские пришельцы.

Шли годы. Ни нападения врагов, ни пожары не смогли сровнять монастырь с землей. Укреплялись его каменные стены. Развивалось монастырское хозяйство. В государственную казну шел сбор с вотчинных крестьян.

Основатель монастыря старец Далмат (при его келии всегда стоял для постоянного памятования часа смертного деревянный некрашеный гроб) скончался 103-х лет от роду 25 июня 1697 года.

В Успенской церкви монастыря была сделана надпись: “Союзом любви связуемы”, как напутствие живущим и будущим поколениям.

Да оно так и случилось. С годами как русские христиане, так и иноверцы стали приезжать сюда перед отправкой на воинскую службу, чтобы поклониться святому старцу, как покровителю от ненастий военных. Это служило умиротворению людей разных национальностей и религиозных воззрений, живущих на земле Зауральской.

Успенский Далматовский монастырь. Со старинной гравюры.

Рассмотрим краткую хронику военных событий второй половины XVII века при освоении Западной Сибири. В 1649 -1651 годах были совершены набеги кучумовичей и калмыков на русские поселения по реке Исеть, сожжена Исетская пустынь (Далматовский монастырь). Затем в 1662 -1664 годах вспыхивает башкирское восстание. Первоначально нападению подверглись Катайский острог, Ирбитская слобода и Далматовский монастырь. Катайский острог осаждался 4 дня, но так и не был взят. Под Далматовским монастырем сожжены деревни, женщины и дети были уведены в плен, многие убиты, угнан весь имевшийся скот. Тобольский воевода вынужден был послать сюда вооруженный отряд под командованием Дмитрия Полуехтова. В конце 1663 года боевые действия возобновляются. Вспышка боевой активности приходится на март 1664 года. Теперь отряд Д. Полуехтова смог разбить неприятеля. Необходимо отметить, что это восстание башкир охватило только северо-западную часть Южного Зауралья, а именно Приисетье, не распространившись дальше Мехонского острога.

Следующий этап военных столкновений — 1665 - 1667 годы, а затем 1680 - 1685 годы. В это время нападения совершались уже на новые слободы в Среднем Притоболье.

Подобная ситуация заставила местную воеводскую администрацию обратить внимание на защиту русских поселений от продолжавшихся набегов калмыков, а также усилившегося давления башкир. В период пребывания в Сибири воеводой П. И. Годунова (1667 - 1670 годы) была предпринята первая попытка создать единую линию оборонительных сооружений в Зауралье. Она должна была начинаться при впадении речки Тарханки в Тобол Тарханским острогом, затем через Ялуторовский острог вверх по реке Исеть располагались Исетский острог, Шадринская слобода, Далматовский монастырь, Катайский острог. В каждом из указанных пунктов должны были размещаться воинские силы в размере от полуроты до роты драгун. Причем драгунские роты создавались переводом исетских беломестных казаков в драгуны. В этом заключалось еще одно новшество воеводы П. И. Годунова по усилению эффективности обороны края. У воеводы были свои оригинальные мотивы проводимой им реформы: “К осаде... драгуны рейтар и солдат к татарскому бою прибыльнее, потому что рейтар татарина догнать в поле строем не успеет”, кроме того, драгуны сочетали все преимущества конного и пешего строя, “а драгун в походе - конный, а пеш драгун солдат же”.

В полном объеме данная реформа не была выполнена, тем не менее она сыграла свою положительную роль в закреплении Приисетья в составе Российского государства.

Сложная военно-политическая ситуация заставляла администрацию постоянно обращать внимание на оборону края. Это отразилось и в деловой

документации. Так, в наказной грамоте, данной Семену Белошейкину на основание Крутихинской слободы в 1684 году, говорилось: "... не стесняя татар ясашных, жить в той слободе от калмыцких воинских людей с бережением, чтобы не только к ней, но и под города под слободы безвестно войною они не пришли, и дурна какова не учинили". Подобная формула постоянно повторялась и в других наказных грамотах.

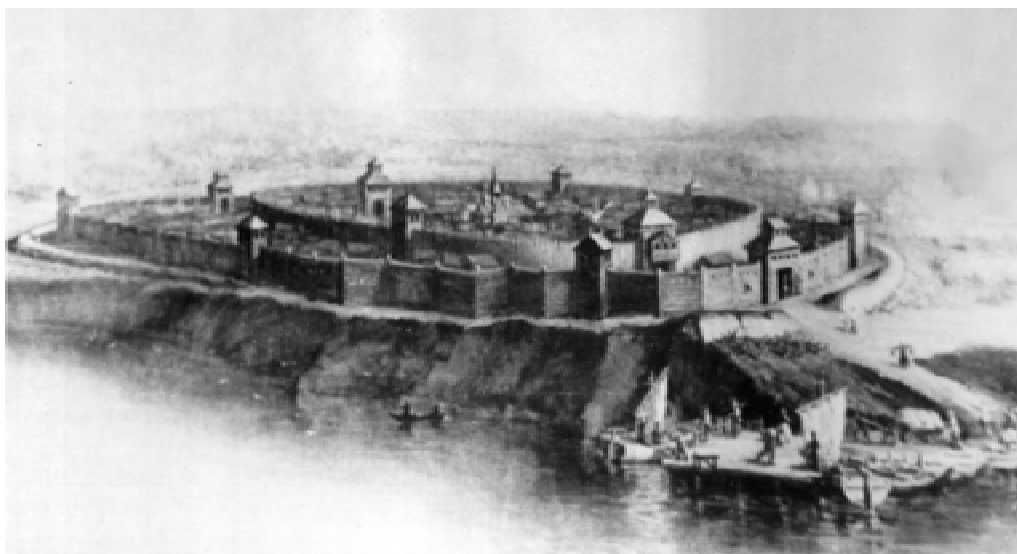
Если в 60 - 80-х годах XVII века основной зоной военных столкновений являлось Приисетье, то с 80-х годов, когда русская колонизация сместилась южнее долины реки Исеть, новым объектом нападений становятся поселения в Среднем Притоболье. Это прежде всего слободы Царево Городище, Уятская, Иковская и другие.

Столкновения проходили полосой от Среднего Притоболья до верховьев реки Исеть. Эти набеги тоже упоминались в ответах на анкету Г. Ф. Миллера. Причем практически все деревни Царевгородищенской слободы подверглись разорению именно в эти годы. *(История Курганской области, т.1, гл.1, стр.105-108)*

Одновременно с постройкой острогов на Исети стали возникать поселения и по реке Тоболу. Точной даты возникновения нашего города Кургана пока не установлено, хотя краевед Евгений Семенович Селетков обнаружил в Центральном государственном архиве древних актов "Сообщение из конторы Курганской слободы от 23 мая 1741 года", где написано: *"Слобода Царево Городище поселена жителями в 1635 году над рекою Тоболом на жилой стороне, а по какому указу она слобода строена об этом справитца нечего, и старинных дел с начала поселения в конторе Курганской не имеетца, хотя и были токмо у полковых дел при бытности полковника Леонтия Парфеньева". Из многих предполагаемых дат основания Кургана эта, пожалуй, самая достоверная. В том же сообщении говорится: "Крепостное строение около той слободы Царева Городища деревянное, заплот лежащий, ров, надолбы и рогатки, мерою той крепости 850 сажен. Строена она крепость вышеупомянутыми разночинцами из присутствующих того Городища сел и деревень ... в 1639-м и в 1700-м и 1729-м годах".*

Я уверен, что строилась эта крепость без особого нажима военных на крестьян – поселенцев, так как они понимали, что только вместе с людьми служивыми им укореняться на новых землях, обживать их и оберегать от набегов кочевников, кои были в те времена нередкими. О чем говорится в документах Тобольской канцелярии: *"В лето 1691 года Киргизской орды люди захватили слободу Царекурганскую, спалили острог и приказчика их, сына боярского Спиридона Рачковского с женой и детьми пожгли, убили коих, а 200 человек увели в полон".*

Видимо, кочевники продолжали свои притеснения в Притоболье и дальше. И большой военный отряд во главе с сыном боярским Андреем Кляпи-

Слобода Царево городище. С картины В.Ф. Илюшина.

ковым 10 апреля 1696 года был послан из Тобольска в слободу Царекурганскую “для оберегательства оной и других слобод от Орды Неприятельских людей”. Отряд проследовал до митрополитьего села Воскресенского (ныне село Кирово), где вновь объявились “неприятельские люди”. Там ратники Кляпикова “вышли на встречу и сбились с неприятельскими людьми с лица на лицо, гнали их, рубили верстах на десяти”.

С этим отрядом побывал в наших краях тобольский летописец С.У. Ремезов, который в своей “Служебной чертежной книге” написал о слободе Царекурганской: *“Стоит она над Тоболом в крепком месте вниз едучи на левом берегу. В той слободе пристойно быть городу и драгунским ротам... Пашенных земель и сенокосов и рыбных ловель и к строению лесу их не скудно”*.

Думаю, новое строительство крепости в Слободе Царекурганской в 1700 году связано с восстановлением и укреплением ее после набега ордынцев, о котором и говорится в сообщениях, указанных выше.

И все же в конце XVII и начале XVIII столетия на пространстве между реками Тоболом, Уем и Миассом кочевали калмыки и киргиз-кайсаки. Со стороны Сибири первые пограничные линии для защиты населения от кочевников стали строиться по рекам Тоболу, Ишиму, Исети и их притокам, между тем как пространство от устья Тобола вверх, по Исети и ее притокам оставалось совершенно открытым. Вследствие этого калмыки, башкиры и киргизы свободно нападали на первые наши поселения в Западной Сибири. Только во второй четверти XVII столетия вверх по Исети был основан ряд острогов (крепостей) или слобод: но не по инициативе правительства, а по мысли “землеискателей” – казаков.

Потомки казаков Ермака жили первое время при устье реки Исеть, но с увеличением народонаселения стали постепенно подвигаться вверх по этой реке и ее притоку Миассу, воздвигая по пути остроги и слободы. Азиатцы не могли смотреть на это равнодушно. Между ними и казаками развернулась борьба. Исетские казаки, несмотря на свою малочисленность, служили грозой для кочевников, которые еще в 1695 году все земли, лежащие между реками Миассом, Уем и Тоболом, в челобитной своей, поданной царям Иоанну и Петру Алексеевичам, называли своими.

Одновременно с возведением пограничных линий по этим рекам слободы и крепости комплектовались гарнизонами из числа солдат пехотных полков, драгун и городских казаков. Эти люди получали от казны жалованье, провиант и на лошадей овес, сено косили сами, на отведенных лугах. На хлебопашество им отводили земельные наделы.

Постройка крепостей шла силами присланных бобылей, вотяков, а также солдат, драгун и казаков. В работах участвовали и переселенцы. Крепости окапывали рвом, обносились земляным валом, заплотами, а в степных местах ивовыми плетнями, рогатками, надолбами, с одними или двумя воротами. За этими укреплениями укрывались от набегов и жители окрестных селений.

Вооружение крепостей состояло из чугунных пушек и мортир. Количество же тех и других определялось смотря по важности крепостей. Гарнизоны составляли регулярные части пехоты и драгуны, из этих же частей образовывались отдельные команды для занятия редутов. Казаки несли сторожевую, разведочную и конвойную службы. Между крепостями и редутами на протяжении всей линии 1112,5 верст от станции Рассыпной до Звериноголовской по Оренбургской (бывшая Яицкая) пограничной линии содержались (в 7-15 верстах один от другого) форпосты, куда ежегодно с 1 мая по 15 ноября командировалось от 10 до 80 казаков на каждый, смотря по важности поста. К ним придавалось по одному, а иногда и по два орудия.

Казаки, проведя около двух столетий в борьбе с кочевниками, выработали особый способ сторожевой и разведочной службы. Вот как описывается это в историческом очерке “Присоединение к России Оренбургского края”. Так, например, прежде чем приступить к охранению известной местности, каждый казак изучал все броды и пути чрез леса, болота и другие места, дабы в случае надобности иметь возможность пробраться во всякое время по назначению кратчайшим и незаметным путем. Каждый отдельный казачий форпост с рассветом выставлял по линии к стороне неприятеля “маяк” (конные пикеты, состоящие из трех человек, располагаемых на местах возвышенных, с которых удобнее было обозревать лежащую местность на несколько верст. Пост занимали всегда трое, потому что число три считалось

казаками символом Святой Троицы и вместе с тем служило ручательством большей бдительности. По прибытии к назначенному для поста месту, маячные объезжали все глубокие овраги, лощины и перелески для удостоверения, не скрывается ли в них неприятель. После чего очередной казак, держа лошадь в поводу, становился на часы на самом высоком месте. Другие два его товарища располагались в более закрытом месте, но в виду часового. Для подания сигналов между ними были установлены свои условные знаки: так, например, стоящий на маяке часовой, заметив приближение неприятеля, тотчас садился на лошадь и делал шагом вольт налево (“маячил”, подавал сигнал). По этому знаку часовые видимых маяков (пикетов) садились на лошадей и повторяли тот же маневр.

Вольт шагом определял партию противника от 3 до 6 человек; рысью – от 6 до 25 человек; карьером – давал знать об угрожающей большой опасности. Если требовалось данный о неприятеле сигнал отменить, то тот же самый часовой повторял вольт шагом направо, чем давал знать, что опасность миновала. По захождении солнца маячные отправлялись к своим постам (на форпосты), но отнюдь не прямою дорогою, а местами наиболее удобными и безопасными. При этом имели наготове оружие и ехали не вместе, а на 50 и более шагов один от другого, чтобы удобнее ускользнуть от захвата, в случае неожиданного нападения большого числа киргизов.

На смену денных пикетов высылались так называемые “секреты”, располагавшиеся на местах, наиболее способствовавших скрытному приближению неприятеля: леса, кустарники, глубокие лощины и овраги. Для охранения же бродов назначались особые команды, “заставы”. Для осмотра линии в ночное время от постов посылались в обе стороны по линии “дозоры” (разъезды), состоявшие также из трех казаков. Дозор ехал не прямо на соседний пост, а по линии, следуя по всем ее изгибам, осматривая все опасные места. По временам останавливаясь и прислушиваясь, нет ли шума со стороны неприятеля и не видно ли костров. Дозорам представлялось осматривать секретные посты и проверять охрану вверенных им участков. При отправлении дозорных с поста им передавались слепки с печатей или другие условные знаки, “доезжие памяти”. Встречаясь на назначенном месте с дозорными, высланными им навстречу с другого форпоста, они обменивались этими знаками, а затем те и другие возвращались к своим постам. Последний утренний дозор, возвращаясь к своему посту, тщательно осматривал нет ли где следов тайно переехавших через линию киргизов.

Такой способ охранения казаками линии получил впоследствии законную силу и даже вошел в инструкцию.

Форпосты устраивались в местах более удобных, как для собственной обороны, так равно и для охранения линии, преимущественно на половине пути между крепостями и редутами. В памяти народной до сего време-

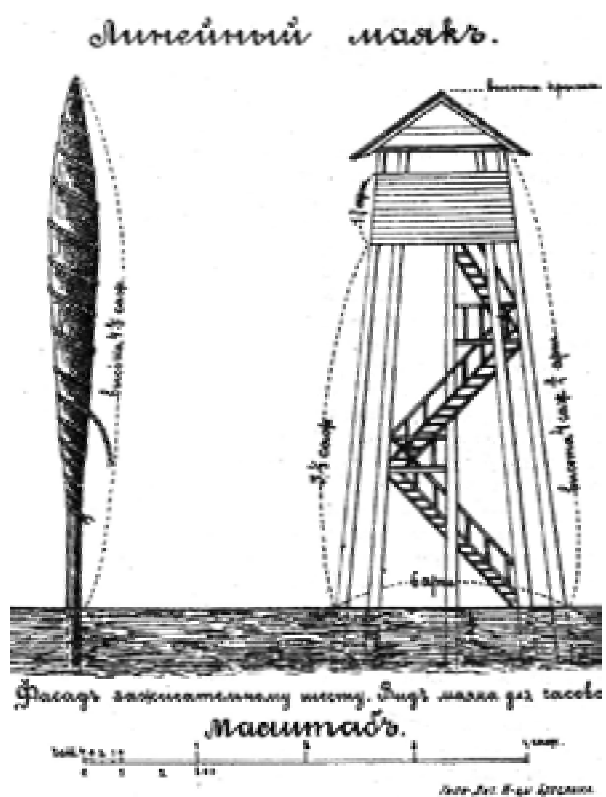
ни сохранилось название “половинка”. Полосы эти окапывались рвом и обносились невысоким валом. В середине этой крепости имелись помещения для чинов караула, конюязи для лошадей и редант для хранения седел и пик. Постройки производились сообразуясь с местными условиями: из камня, кирпича, дерева, даже плетня с глиной.

На всех форпостах кроме пикетов, секретов и застав выставлялись еще по два пеших часовых: один у реданта, а другой на каланче (помост на четырех высоких столбах). Обязанность последнего заключалась в бдительном наблюдении за окрестной местностью

и за действиями ближайших маячных пикетов. Вблизи постов устраивались обернутые сеном или соломой шесты или маяки, наверху которых укреплялись большие пучки из воспламеняемого материала. Шесты эти содержались в постоянной исправности под особым наблюдением часовых, а в случае тревоги зажигались и служили сигналом для соседних постов. Если подавались сигналы на каком-либо маяке или зажигался шест, то часовой с каланчи посредством выстрела давал знать караулу и в то же время обращал все свое внимание на средние пикеты, дабы не просмотреть сигналов.

Начальник форпоста, узнав о приближении неприятеля, немедленно с частью стражи скакал навстречу ему и если силы противника превышали его команду не более как в два или три раза, смело бросался на него. В противном же случае быстро спешивался, сбатовал лошадей, начинал отстреливаться, стараясь этим задержать нападавших в ожидании помощи, которая немедля являлась с соседних постов, по тревоге.

Станичные атаманы крепостей и редутов, узнав о нападении неприятеля на посты, собирали всех казаков и спешили на помощь. В случае нападения неприятеля на пост оставить последний ввиду превосходных сил противника или сдать без выстрела считалось великим позором: такие казаки признавались недостойными носить оружие и лишались казацкого звания.

Если, случалось, нарушители, прорвавшись через линию, уходили вовнутрь ее, то все станицы поголовно вооружались и принимали меры к преследованию противника, так как киргизы не возвращались тем же путем, а большею частью проходили линию выше или ниже, верстах в пятидесяти и даже более от места первого прорыва.

С основанием Оренбургской пограничной линии строго воспрещалось переходить за реку Яик как отдельным личностям, так и командам даже и во время преследования нарушителей. Вследствие каких причин состоялось такое постановление, нет исторических указаний, но достоверно известно, что оно существовало до конца девятнадцатого столетия. Только лишь в первой четверти девятнадцатого столетия военным губернатором Эссеном было разрешено казачьим командам под начальством нижнего чина, преследовать по степи киргизов на расстоянии десяти верст от границы. Офицеру же с командой дозволялось пускаться в погоню за противником на целые сутки в глубь степей.

Правительство, издавая запрещение казакам о переходе за Яик для преследования хищников, имело, вероятно, в виду: или отнять у казаков повод и всякую возможность к неприязненным столкновениям с народами, обитавшими за Яиком; или же охранять и самих казаков от потерь и поражений, которым они легко могли подвергаться, увлекаясь в погоню за малочисленными партиями неприятеля и нападая на засаду более сильного противника. Подобного рода постановление было не выгодно и стеснительно для казаков. Пользуясь этим, киргизы-разбойники часто действовали безнаказанно. Зная, что казаки не смеют перейти за Яик в их степи, они собирались вблизи линии большими партиями и, выбрав удобный момент, одновременно в разных местах переплывали реку Яик и нападали врасплох там, где их совсем не ожидали. Так, например, еще в тридцатых годах девятнадцатого столетия они увозили пленных в окрестностях Оренбурга чаще всего из рощи, находящейся за Уралом и служащей теперь обычным местом загородных прогулок местных жителей. Киргизы, захватив людей и скот, переплывали на левый берег Яика, где считали себя вне всякой опасности. Рыскающая вдоль линии, они пользовались всякой оплошностью неосторожных и нападали на добычу, как хищные птицы: чего не могли взять с собою, — беспощадно разрушали и нередко уничтожали огнем.

Казаки сильно тяготились не столько набегам киргизов, сколько не дозволением ходить через Яик и громить там своих недругов. Зато встречая киргизов на правой стороне Яика, они в большинстве случаев уничтожали их поголовно.

Подобные события в это время имели место и в других землях России. Поэтому история о казачьем генерале Сысоеве была очень популярна на Нижней Кубани в XIX веке. А закончилась она вот чем.

Собралась на границе с Россией, на берегу реки Кубани, басурманская рать. Собралась да ждёт удобного момента для нападения. А у генерала Сысоева приказ: на своей земле обороняться, а на басурманскую не переходить. Жить стало тревожно: сила вражья стоит, не движется, словно корни в землю пустила. И днём и ночью грозит набегом. А отойти нельзя: за спиной старцы немощные да матери с малыши ребятами. Просит Сысоев генерала Ермолова: “Коли басурмане на уговоры увести рать не поддаются, разреши атаковать первому!”. “Нельзя, — отвечает Ермолов, — подумай, как дело политикой решить. На то тебе от Бога—ум, а от царя—чин”. Думал, думал Сысоев, бродя по лагерю, да ничего в голову не приходит. Видит генерал: хуторяне свиней гонят. И тут словно осенило Сысоева: “Вот она—политика!”. И дал генерал приказ по окрестным хуторам: всех свиней в лагерь собрать. Нагнали их видимо-невидимо. Приказал Сысоев к свиньям караул поставить и два дня не кормить их. А на третий день свиньи так от голода осатанели, что на караульных бросаться стали.

Как только солнце село, стал мулла за рекой, в басурманском лагере, на молитву народ скликать. А генерал созвал чабанов (пастухов, погонщиков) и даёт им приказ: “Гоните свиней на ту сторону реки, прямо в басурманский лагерь. Сделаете по-моему — по червонцу на брата”. И пригрозил: “Не сделаете — на осине повешу!”.

Стали чабаны свиней через реку-границу перегонять. Сначала голодные свиньи шли неохотно, да вдруг почуяли дух от плова с бараниной, который басурмане себе на ужин готовили, и как пустились вскачь — на коне не догонишь — с визгом, с хрюканьем! Басурмане всколыхнулись: видят — сила на них летит несметная, а что за сила — в туче пыли не разберут. Для пехоты очень быстро, для конницы — рост маловат: еле от земли видно. А как захрюкали свиньи, в лагерь ворвавшись, поднялся крик: “Шайтан! Шайтан!” —чёрт, значит. Кто пеший, кто конный — поспешили басурмане ноги унести. Свиньи пожрали всё, что осталось, и еле домой дотащились, брюхо по земле волоча. Генерал Сысоев дал чабанам по червонцу, а Ермолову отписал, как он сумел басурман прогнать. Прочёл Ермолов грамотку да засмеялся: “Ай да молодец, казачина, а говоришь, политику не знаешь!”.

До какой степени было опасно в то время жить на пограничных линиях, об этом можно судить по тем распоряжениям, которые дошли до нас в форме инструкций, издававшихся для охранения станиц и прилинейных жителей. Почты и проезжающие сопровождались конвоями, табуны и скот паслись под наблюдением сильных конных караулов. Как только скрывалось солнце, все живое спешило под защиту крепостной стены. Утром никто не смел тронуться из крепости прежде, нежели вернутся утренние разъезды и объявят о том, что везде тихо и спокойно.

Казачий дозор

Для того чтобы отправиться из крепости или редута на полевые работы, желающие должны были собираться по сигналу в караульный дом, где крепостное начальство осматривало у них оружие и назначало из них старших, под начальством которых они и отправлялись. По приезде на место одни приступали к работе, тогда как другие оставались на стороже. Несмотря на усиленные разъезды и караулы при работах, в особенности во время жатвы или покоса, киргизы незаметно пробирались кустами или лесами и нападали врасплох на работающих: одних рубили на месте, других подхватывали и уносились с несчастными жертвами в степь. Уцелевшие давали знать в крепости, форпосты и пикеты, где тотчас же зажигались маяки, вестники несчастья. Пограничная стража вместе с населением пускалась преследовать дерзких хищников. Нередко случалось ей догонять их на переправах, причем происходила общая свалка и беспощадная резня. Никто не осмеливался в то время выходить из домов без оружия. Куда бы казак ни отправлялся, ружье и шашка были его неразлучными спутниками. Не покидал он их в бою с неприятелем, ни в домашнем быту.

Жизнь прилинейного казака все время проходила среди нескончаемых тревог и опасностей, в которых закалялся дух и крепили казацкие силы. А силам этим надо было окрепнуть, чтобы защитить семью, крепость и Отечество.

Деды и отцы передавали в наследие своим сыновьям и внукам вместе с испытанным оружием свою сноровку в бою и свой боевой опыт, вырабо-

танный в частых стычках и лихих схватках с противником. Так росли и крепились первопроходцы Сибири и их потомки, укрепляясь духом боевым и опытом.

Одновременно с охраной земель, обживаемых русскими в Зауралье, первопроходцы не прекращали обследовать сибирские земли, уходили за многие тысячи верст дальше, навстречу восходу солнца. И что поразительно, небольшие отряды числом в 50-100 человек порой “приводили под государеву руку” целые племена и народности. Тогда каждый русский, казак-первопроходец для Отечества много значил.

В книге В. Скалона **«Русские землепроходцы XVII века»**. (М. 1951 год.) рассказывается, как в Забайкалье пришла группа в 13 человек, возвела острог в густонаселенной местности, взяла ясака-дань с тунгусских и бурятских племен и привела их к присяге в верности русскому царю-батюшке. И больше того удивляет, что в своей “Отписке государю” эти люди еще и оправдываются, что не смогли пока сделать большего, что все еще не привели к покорности монгольского хана.

И снова обратимся к исследованиям о местном казачестве есаула Виталия Ивановича Сулиммы. Он пишет, что “родословная курганца, нынешнего сотника Сибирского казачьего войска Юрия Петровича Буторина идет от одного из первопроходцев Сибири Пантелея Демидовича Буторина (Пянды), приглашенного в Сибирь на службу Тобольским воеводой Годуновым, который с отрядом из сорока казаков отправился в верх по нижней Тунгуске в поисках счастья и богатства. За три с половиной года на срубленных ими же стругах казаки преодолели по рекам Восточной Сибири около восьми тысяч километров, исследовали низовья реки Лены, (они же нарекли ее этим именем), с бурятами-скотоводами кратчайшим путем через степи вышли на Ангару и обследовали ее. Именно они проложили этот удобный и надежный путь, которым впоследствии целых два века шло все снабжение Якутии и Крайнего Севера”.

Читал я это и радовался за такие могучие родословные корни и земляков.

В этом плане, мне видится недооцененные краеведами и историками Зауралья событие, произошедшее в нашем крае в 1686 году, во время активного освоения земель по Исети, когда каждый мужчина был значим как землепашец и воин, по наказу из Тобольской канцелярии было взято на государеву службу сразу двести здоровых и крепких молодых людей из поселений Исетской охранной линии и отправлено для обжития Даурской земли. А это, честно говоря, покруче даже старой солдатчины. Солдат, отслужив свое, возвращался в родные места. А парни уходили из дома – навсегда! На необжитых местах они становились казаками, обзаводились женами из местных народов, приведя их к вере Христовой, занимались хлебопашеством, промыслом, торговлей, и с оружием в руках служили Отечеству.

Этот набор был исключительным случаем в жизни нашего края. Но люди с подобным явлением социальной жизни были хорошо знакомы. Тут противоречия нет. Подобные наборы для жителей современных территорий Тюменской и Свердловской областей были привычным делом. Оттуда, как из наиболее освоенных, относительно заселенных мест, очень часто набирали людей для освоения новых сибирских земель. На Исетской же линии массовый набор происходил впервые. Можно представить, сколько слез было пролито тогда, ведь расставались-то люди навсегда, без надежды свидеться еще когда-нибудь.

Но не следует думать, что вместе со слезами были какие-то проклятия и ругань в адрес властей. Не могло быть такого. Это началось уже потом, лет через 30-50, при наборе рекрутов на непонятную, чужую, постыльную, тяжелую царскую службу с муштрой, палками и прочими нововведениями, унижающими и позорящими рядовых воинов русских.

... А тогда подобного ничто еще не предвещало, армия была народной по духу, по сути. Цели, задачи, интересы государства и народа в то время чаще всего совпадали. И государство, и подданные его стремились к одному и тому же. А методы освоения новых земель, управления ими вытекали из народных представлений, обычаев, традиций. Все было понятно как власти, так и людям. Расхождение и отчуждение власти от народа началось с введением в “эпоху петровских реформ” многого чуждого, инородного, непонятного, неприемлемого народом. Потом это продолжилось при царицах “гнезда Петрова”, что окончательно разделило еще недавно единую русскую нацию на две чуждые части: на простой народ и дворянско-помещичий “европейничающий” субэтнос.

Ну а пока ... Русские исетские люди распоряжение об отправке части их, наиболее здоровых и молодых, в какую-то Даурию восприняли отнюдь не как наказание, унижение какое-то, а как почетную обязанность - служить народу и царю, как высокий государственный долг. Без какой либо патетики или тем более демагогии можно сказать, что исетские парни уходили в неведомые края с гордостью тем, что идут туда по указу “Великого государя”, с гордостью тем, что лично меня, Ивашку, Петрушку, отправил сам царь, а значит – туда, куда нужнее всего государству и народу. Можно думать, что во многих семьях парни слышали от отцов такие наставления: “Завидую я тебе, сынок. Я - то сюда сам пришел. А тебе такая честь выпала – жить, где нужнее государству будет! Куда сам батюшка - царь посылает!”

Конечно, многим нашим современникам трудно представить такое, и они с усмешкой читают эти строки. Но тут уж сказывается разница в мировоззрении, психологии, поступках, характерах. Их поход даже можно отнести к примерам, показывающим, как люди, принадлежащие к разным поколениям одной нации, ведут себя и мыслят совершенно непохоже...

Что касается нашей Курганской слободы, то она, возникшая на пограничной окраине русского государства, быстро превратилась в военную крепость. К середине XVIII века она имела тройную линию укреплений и насчитывала около тысячи служивых людей с 28-и пушками. Гарнизон ее был самым крупным в Притоболье и играл заметную роль в освоении края.

СМУТНЫЕ ВРЕМЕНА

После смерти Ивана Грозного (1584 г.) началась острая борьба за власть в правительственной верхушке. Поскольку наследник престола, сын Грозного Федор Иванович был слабоумен, царь Иван, видимо, создал при нем нечто вроде регентского совета, где особенно большим влиянием пользовался бывший опричник боярин Борис Федорович Годунов. Он быстро освободился от конкурентов и с 90-х годов его уже величали правителем.

В 1591 году погиб малолетний сын Ивана Грозного, царевич Дмитрий. По официальной версии он сам себя поколел ножом в припадке эпилепсии. Впоследствии в организации убийства царевича обвинили Годунова. В 1598 году после смерти царя Федора земский собор избрал Бориса царем.

Смерть Дмитрия была использована польскими магнатами как предлог для провокации и захвата русского престола. В 1601 году в Речи Посполитой появился молодой человек по имени Григорий Отрепьев, монах, бежавший из России. Он стал слугой магната Адама Вишневецкого, который в 1603 году открыл «тайну», что Григорий вовсе не монах, а сын Ивана Грозного, Дмитрий, чудом спасшийся.

В 1604 году началось вторжение. Благодаря энергичным мерам, принятым Борисом Годуновым, войско Лжедмитрия в январе 1605 года было разбито. 13 апреля 1605 года внезапно умер Борис Годунов, на престол взошел его сын Федор. Но его вместе с матерью предательски убили, и в Москву 20 июня торжественно въехал самозванный «царь Дмитрий Иванович». Сесть на престол оказалось легче, чем удержаться на нем, 17 мая 1606 года Лжедмитрий и его приближенные были убиты. На импровизированном земском соборе «выдвинули» царем ловкого интригана князя Василия Шуйского. Но долго править и ему не пришлось.

Летом 1607 года началось вторжение поляков с Лжедмитрием II. Весной 1609 года Скопин-Шуйский нанес врагам ряд поражений, захватил Тверь, но на этом наступление закончилось.

17 июля 1610 года Шуйский был свергнут. Власть захватила кучка реакционных бояр.

Ослабление централизованной власти на Руси всегда приводило к раз-

броду и шатанию в обществе, к лихоимству и воровству, самоуправству. Все это и началось. Вслед за верхами начали искать свою правду и выгоду и низшие сословия. Никто и никому не хотел подчиняться.

Уж так устроен мир, что только ленивый не постарается поживиться за счет ослабевшего соседа. У западных стран при виде погрязшей в междоусобицах Московии алчной страстью наживы загорелись глаза. Вслед за провалившимися ставленниками Лжедмитриями польский король Сигизмунд III с помощью военной силы и предателей-бояр провозгласил русским царем своего сына Владислава. В ночь на 21 сентября 1610 года польские войска вошли в Москву и обосновались в ее сердце — Кремле и Китай-городе. Они вели себя здесь как полноправные хозяева, не считались не только с холопами, но и с боярской знатью. Шведский король Карл IX, в это время под предлогом помощи России, ввел свои войска в Новгород, начал захват русских земель в Прибалтике.

Не о целостности и процветании Русского государства пеклись новоявленные «помощники и покровители». Польша стремилась присоединить к себе исконные русские земли аж вместе со Смоленском. Правда, его воевода Михаил Шеин собрал рать да Смоленск полякам не отдал. Захватчики вели себя нагло на русской земле, грабили, насильничали, обложили россиян непосильными поборами.

Освободительное движение, направленное против подчинения России польской королевской власти, началось в конце 1610 года, когда отношения между москвичами и поляками обострились до крайности. В Москве было введено осадное положение. Страх у польских шляхтичей вызвал наплыв русских людей в Москву, тайную доставку в столицу оружия, что говорило о подготовке народного восстания.

Первое земское ополчение

В русском обществе в самый разгар Смуты еще сохранялись силы, выступавшие за организацию сопротивления, изгнание оккупантов за пределы России и воссоздание русской государственности. Патриарх Московский и всея Руси Гермоген, возведённый в этот сан ещё Василием Шуйским, резко осуждал как саму идею заговора бояр с целью свержения царя, так и компромиссы с поляками. Именно по инициативе и при деятельном участии патриарха из Москвы стали рассылаться грамоты по городам и областям России с призывами создавать народные ополчения для борьбы против поляков. В столице распространилась анонимная патриотическая «Новая повесть о преславном Российском царстве», автор которой призывал к вооружённой борьбе с иноземными захватчиками.

Раньше всех на призывы Москвы откликнулась Рязанская земля. Здесь было создано Первое земское ополчение. Возглавил его рязанский дворянин Прокопий Ляпунов, человек энергичный и деятельный, но склонный к политической авантюре и не раз менявший свою политическую ориентацию. В состав ополчения вошли также служилые люди из других городов: Нижнего Новгорода, Вологды, Ярославля. Были в его составе и казачьи отряды, возглавляемые атаманом Иваном Заруцким. Весной 1611 года ополчение подошло к столице. Вскоре в земском ополчении стихийно возник свой Земский собор (Совет земли). В течение апреля — мая этот орган принял множество постановлений, которые были объединены в “Общий приговор”, своего рода конституцию, торжественно утверждённый 30 июня 1611 года. Под ним поставили свои подписи представители более чем 25 городов и земель. После долгих обсуждений “Совет земли» решил сосредоточить военное и политическое руководство движения в руках Прокопия Ляпунова, князя Дмитрия Трубецкого и вождя казачьих отрядов Ивана Заруцкого. В своей деятельности они опирались на созданные здесь же новые приказы: Поместный, Разрядный и другие.

Тем временем на помощь осаждённому польскому гарнизону в Москву из-под Смоленска был послан корпус под командованием гетмана Ходкевича. Узнав об этом, руководители ополчения решили предпринять штурм столицы, не дожидаясь подхода основных сил неприятеля. 15 сентября 1611 года, подкатив к стенам Китай-города десяток мортир, они начали артиллерийский обстрел Москвы. От загоревшейся соломы на одном из посадских складов вспыхнул пожар. Пользуясь смятением, возникшим в рядах защитников, земские ратники бросились на штурм и прорвались в Китай-город. Спасаясь от наступающих войск и пожара, охватывающего все новые и новые улицы, польский гарнизон заперся в Кремле и начал из пушек обстреливать городские кварталы. Это свело на нет все попытки земских ратников потушить стремительно распространявшийся по городу пожар. Однако положение осаждённых ухудшалось с каждым днем. Лишь прибытие польских войск под командованием Ходкевича спасло осажденный гарнизон от безоговорочной капитуляции.

Но состоявшееся затем под стенами Москвы сражение не принесло полякам победы. Казаки, возглавляемые самим Заруцким, сражались с таким упорством, что ветераны Ходкевича дрогнули и стали отступать. Таким образом, Ходкевич не смог ни разбить земское ополчение, ни снять осаду Москвы. Разрозненные польские отряды отступили к Смоленску.

Победа в подмосковных боях была куплена дорогой ценой. Потери ополчения в живой силе были огромны. Людями овладели апатия и усталость. Таяло ополчение, и вместе с тем рушился фундамент, на котором держалась власть земского правительства. В руководстве восставших начались разно-

гласия между Ляпуновым, с одной стороны, Заруцким и Трубецким — с другой. Ляпунов упрекал своих соратников в том, что они прежде служили “Тушинскому вору” (Лжедмитрию II), и запрещал казакам Заруцкого обирать местное население. Узнав об этом, поляки подготовили подложную грамоту с искусно подделанной подписью Ляпунова, в которой сообщалось, что будто бы он приказал горожанам бить и топить без пощады всех казаков. Обозлившись, казаки собрали свой круг, позвали Ляпунова и убили его. Первое земское ополчение окончательно распалось.

В конце 1611 года Московское государство представляло зрелище полного видимого разрушения. Поляки взяли Смоленск. Польский отряд сжег Москву и укрепился за уцелевшими стенами Кремля и Китай-города. На смену убитому второму Лжедмитрию в Пскове обосновался третий — какой-то Сидорка. Первое дворянское ополчение со смертью Ляпунова расстроилось. Страна осталась без правительства. Боярская Дума, ставшая во главе его после пострига в монахи Василия Шуйского, упразднилась сама собой после захвата Кремля поляками. Правда, кое-кто из бояр со своим председателем князем Мстиславским примкнул к полякам.

Государство, потеряв свой центр, стало распадаться на составные части, чуть не каждый город действовал особняком, только переписываясь с другими городами. Государство преобразалось в какую-то бесформенную, мятущуюся федерацию.

К концу 1611 года, когда в противоборствах изнемогали политические силы, стали пробуждаться силы религиозные и национальные, видящие гибнущую Русь.

Из Троицкой обители архимандрит Дионисий и келарь Авраамий стали рассылать через православные храмы призывные грамоты народу с просьбой подыматься для спасения веры и Отечества. Опыт первого ополчения показал, что для освобождения страны от интервентов необходимо единение всех патриотических сил, их консолидация под единым знаменем.

Почин в этом благородном деле освобождения Родины от польской шляхты принадлежит посадским людям Нижнего Новгорода, в котором возникло народное движение, направленное на освобождение русской земли от интервентов. Возглавил его нижегородский земский староста, купец Кузьма Минин, получивший впоследствии всенародную известность как “выборный от всея земли человек”. Не раз, выступая перед нижегородцами на площади перед съезжей избой в центре города, он призывал жителей подняться на борьбу с иноземными захватчиками за освобождение Российского государства, за православную веру. Призывы Минина были услышаны и получили поддержку. В городе начали собирать средства на создание нового ополчения.

Нижегородские воеводы и приказные не знали, на что решиться. Не они,

Поход ополчения Минина и Пожарского к Москве

а посадский староста Минин выступил с инициативой организации нового ополчения. Вокруг Кузьмы немедленно объединились все, кто не поддавался унынию и требовал принесения новых жертв на алтарь Отечества. Обсуждая изо дня в день московские вести, патриоты пришли к убеждению, что только организация новых крупных сил может оказать решающее влияние на исход битвы за столицу.

Сходки в съезжей избе становились все более многочисленными. Минин со слезами на глазах убеждал сограждан в том, что Нижнему не избежать общей участи и его будущее решится в Москве. “Московское государство, — говорил он, — разорено, люди посечены и пленены, невозможно рассказать о таких бедах. Бог хранил наш город от напастей, но враги замышляют и его предать разорению, мы же нимало об этом не беспокоимся и не исполняем свой долг”. В съезжую избу набивалось много всякого народа. Одни одобряли речи нового старосты. Другие бранили его, плевались. Состоятельные люди опасались за свои кошельки, понимая, что организация военных сил потребует больших денег. Среди меньших людей Минин сразу нашел множество последователей. Почин старосты поддержала молодежь. По возвращении со сходки дети не раз обращались с укором к отцам, привыкшим считать копейку. “Что в нашем богатстве? — спрашивали они. — Коли придут враги и град наш возьмут, не разорят ли нас как и прочих? И нашему единому городу устоять ли?”

Все больше людей собиралось на площади перед городской управой. Наконец настал решительный момент. Минин “возопил” ко всему народу: “Если мы хотим помочь Московскому государству, то не будем жалеть сво-

его имущества, животов наших; не то что животы, но дворы свои продадим, жен и детей заложим!”

Партия патриотов взяла решительный верх на городском вече, и тут же в земской избе ее вожди составили приговор о сборе средств “на строение ратных людей”. Следуя соборной традиции, Минин передал приговор на подпись всем людям и так “приговор всего града за руками устроиша”. Приговор облек выборного старосту большими полномочиями. Кузьма получил наказ обложить нижегородских посадских торговых людей и всяких уездных людей чрезвычайным военным сбором и определить, “с кого сколько денег взять, смотря по пожиткам и промыслам”.

Сбор средств начался с добровольных пожертвований. Земский староста подал пример всем остальным. Современники различным образом оценивали размеры его пожертвований. Один очевидец из дворян воспроизвел в своих записках следующее обращение старосты: *“Братья, разделим на три части имения свои, две отдадим воинству, себе же едину часть на потребу оставим!”*. Исходя из предложенного расчета, Кузьма будто бы пожертвовал в казну ополчения две трети своего имущества. По другим сведениям, староста объявил миру, что имеет триста рублей, и тут же выложил на стол сто рублей “в сборные деньги”. Одно совсем позднее предание гласило, будто староста не только отдал все свои деньги, но и снял золотые оклады с икон и принес драгоценности жены Татьяны — монисты, подвески, шитые золотом ленты.

Нижегородцы несли на площадь к съезжей избе кто что мог.

Добровольные пожертвования положили начало сбору средств в фонд нового ополчения. Минин и его сподвижники умели хорошо считать и знали, что война требует больших денег. Поэтому они вскоре же провели в жизнь постановление о чрезвычайном военном налоге. Нижегородцы поистине не щадили своих животов. (Этим словом в те времена называли и имущество.) Еще недавно они понесли большие расходы на снаряжение первого ополчения. Теперь посадский мир санкционировал сбор пятой деньги со всех доходов и имуществ “на жалованье ратным людям”. Сбор проводился как на посаде, так и по всему уезду.

В Нижний потянулись обозы с продовольствием. Их выслали крестьяне из торгового села Павлова, жители мордовских деревень, занимавшиеся пчеловодством, и прочий уездный люд. Богатые монастыри должны были внести деньги в фонд ополчения наряду с дворовыми крестьянами.

Взявшись за организацию войска, посадские люди долго ломали голову над тем, кому доверить командование. Выборные земские власти прекрасно понимали, что успех затеянного ими дела будет зависеть от выбора вождя, который пользовался бы популярностью в армии и по всей стране. Посадские люди искали “честного мужа, кому заобычно ратное дело”, “кто б был в

таком деле искусен” и, более того, “который бы во измене не явился”.

В Смутное время немногие из дворян с воеводским чином сохранили свою репутацию незапятнанной. Кривыми путями шли многие, прямыми — считанные единицы. Нижегородцам было трудно сделать выбор и не промахнуться. Они решили полагаться лишь на свой опыт и искать подходящего кандидата среди окрестных служилых людей, лично им известных. Кузьма Минин первым назвал имя Дмитрия Пожарского, и мир поддержал его выбор.

Минин согласился возглавить рать, но потребовал для себя чрезвычайных полномочий. Посадский мир принял его условия. Общее воодушевление было столь велико, что присутствующие выступили с призывом отдать на нужды армии все имущество. Между тем в Нижний по приглашению мира приехали представители смоленских дворян. Посадский мир оказал им почетную встречу и снабдил кормами. Несколько смолян по совету Минина немедленно выехали для встречи с Пожарским в Мугреево. Дворяне били челом, чтобы воевода, не мешкая, шел на Нижний. Появление смоленских ратных людей внушило Пожарскому большие надежды. Кроме смолян, он призвал под свои знамена вяземских и дорогобужских помещиков, стоявших по деревням в дворцовой Ярополческой волости. Волость располагалась неподалеку от Мугреева, и многие вяземские помещики нагнали Пожарского в пути, когда он в возке подъезжал к Нижнему Новгороду.

Местное духовенство, дворяне и посадские люди вышли за город и встретили Пожарского и его отряд с иконами, с хлебом и солью. К земской рати присоединилось сто пятьдесят стрельцов из местного гарнизона. Сбор ратных сил отнял гораздо больше времени, нежели думали нижегородцы. Смоленские дворяне соглашались выступить в поход не раньше, чем будут устроены их земельные дела. Представители смолян достигли соглашения с Мининым в конце октября, но сами воинские люди стали собираться в Нижнем лишь к 6 января 1612 года.

Нижегородцы ждали смоленских ратных людей у ворот и проводили их до самой воеводской избы. С высокого крыльца Минин обратился к прибывшим с замечательным напутствием: “Се братия, — сказал он, — грядете к нам на утешение граду нашему и на очищение Московскому государству!”

Будучи человеком практичным, Минин понимал, что одними речами делу не помочь. Служилые люди много лет спустя передавали из уст в уста рассказы об удивительной щедрости нижегородского выборного человека. Щедрость имела свои причины и оправдание. Разоренные помещики были попросту небоеспособны. Надо было как следует вооружить их и посадить на хороших лошадей, прежде чем отправлять на войну.

Пожарский провел смотр и разбил дворян на три статьи. Первостатей-

ные помещики получили до 20—30 рублей на душу, дети боярские третьей статьи — по 15 рублей. Помимо этого оклада, земская изба раздала им всем единовременное пособие на покупку коня, починку доспехов.

Весть о нижегородском пожалованьи вскоре облетела все соседние уезды. Служилые люди потянулись на земскую службу. Следом за коломенскими и рязанскими помещиками в армию Пожарского стали прибывать дворяне, стрельцы и казаки из различных окраинных крепостей.

План Пожарского состоял в том, чтобы возможно скорее собрать отовсюду военные силы и не мешкая отправиться с ратью на помощь Москве. Осуществление плана, однако, натолкнулось на неожиданные трудности. Финансовые возможности Нижнего Новгорода оказались быстро исчерпаны. Минину и Пожарскому пришлось обратиться за поддержкой к ближним и дальним городам и волостям, что неизбежно привело к раздору с земским правительством. Подмосковные бояре и приказные считали, что только они имеют право распоряжаться сбором ратных людей и казны по всему государству. Почин Минина и Пожарского грозил разрушить сложившийся порядок. Нижегородцам приходилось тратить уйму времени и усилий на то, чтобы уладить отношения с воеводами и чиновниками ополчения на местах.

Ярославское стояние

Под знамена Пожарского стекались служилые люди. На содержание их требовались средства. Ранее собранные деньги быстро разошлись. Найти новые в разоренной стране оказалось делом трудным, почти невозможным.

Финансовая система давно находилась в полном расстройстве. Население, привыкшее к военному грабежу, спрятало имущество и затаилось, видя, что каждая новая власть приносит с собой лишь новые поборы. Жители городов разбредались по деревням. Торговля пришла в упадок.

В Нижнем Кузьме Минину понадобилось много недель, прежде чем ему удалось взять верх над богатыми торговцами и те “с нуею” стали жертвовать крупные суммы. В родном городе старосту хорошо знали, и он мог рассчитывать на поддержку всего посадского мира. За пределами Нижнего Кузьме приходилось заново утверждать свой авторитет. В Балахне он столкнулся лицом к лицу с местными солепромышленниками, среди которых находились его родные братья. Красноречие народного трибуна не тронуло толстосумов. Они не спешили расстаться с нелегко нажитыми деньгами. Минин не имел времени на долгие уговоры. Нижегородская рать заутро выступала в поход. Единственный раз в Балахне Минин дал волю гневу. В длинной речи перед горожанами он объявил сущими преступниками тех торговых людей, которые пытались утаить свое имущество от обложения и по-

жертвований на ратных людей. За “пронырство” виновные достойны того, чтобы им “руки отсеци”! Минин говорил с такой убежденностью, что речь его проняла присутствующих. Они уразумели, что ради земского дела староста не пощадит и родных братьев. Поеживаясь, богатые торговцы принесли в съезжую избу деньги “в их оклад”.

В Ярославле все повторилось сначала. Минин призвал местных купцов вносить средства на очищение Москвы. Но те остались глухи к его призывам. Богатые гости Никитников и Лыткин заявили, что их приказчики уже внесли свою долю в казну ополчения в Нижнем Новгороде. Ярославские лучшие люди искоса поглядывали на нижегородского старосту. Они видели и слышали своего брата “торгового мужика” и не понимали, почему им надо слушаться его. Прения в Земской избе затянулись. Тогда выборный человек показал всем, что с ним шутки плохи. Он послал за стрельцами и велел им окружить земскую избу. Никитникова и прочих торговцев забрали “не в честь” и отвели в воеводскую избу к Пожарскому. Перед воеводами и приказными Минин объявил вины купцов и потребовал лишить их всего имущества. Пожарский поддержал выборного человека своим авторитетным словом. Видя “жестокость” Кузьмы и свою “неправду”, лучшие люди пали на колени и покорились.

Ярославль стал подлинной Меккой для земских городов, отказавших в поддержке “вору”. Замосковные, волжские и поморские посады посылали в Ярославль свои военные силы, либо запрашивали к себе воевод с подкреплениями. Ратники Пожарского направились в разные стороны — в Тверь, Владимир, Ростов, Касимов. Они взяли под контроль дороги, связавшие Ярославль с севером. Поморье и северные города стали теперь базой снабжения нового земского ополчения.

Раскол земского освободительного движения привел к распаду территории земщины. Объединив вокруг себя многие города, ярославский совет поневоле должен был взять на себя управление ими. Смена власти сопровождалась, как обычно, хаосом и неразберихой. Но среди хаоса все выше вздымалась волна патриотического воодушевления. Именно она вынесла наверх Кузьму Минина. Скромный нижегородский мещанин стал душой нового правительства. Его титул выглядел необычно и внушительно: **“Выборный всю землю человек”**. Минин обладал поистине неиссякаемой энергией.

Множество дел свалилось на плечи выборного человека и его ближайшего окружения. В течение короткого времени он заново организовал систему управления обширной территорией, отказавшейся признать власть Лжедмитрия III. В Ярославле стал действовать свой Поместный приказ, Казанский дворец, Новгородская четверть. В Ярославль стекались со всех сторон дворяне, стрельцы, пушкарки. Воеводы производили смотр вновь

прибывшим и определяли им жалованье. Выдавая деньги, они требовали, чтобы помещики выставляли поручителей и давали письменное обязательство службу служить и со службы не сбежать. Поместный приказ приступил к раздаче земель оскудевшим дворянам.

В отличие от своих помощников — дьяков — “выборный человек” не прошел длинных и извилистых коридоров бюрократической службы в приказах. Он не был знатоком приказного крючкотворства. Там, где посевший в приказах делец складывал руки перед неразрешимыми трудностями, Кузьма одним ударом разрубал гордые узлы. В обычных условиях требовалась уйма времени, чтобы провести описание земель. Минин в считанные дни разослал дозорщиков в Суздаль, Кинешму, Торжок. Таким образом, Ярославский совет смог выяснить реальные возможности налогоплательщиков.

Новая власть взыскивала налоги повсюду, где было возможно. Особого внимания она удостоила богатые обители. В Ярославле был организован Монастырский приказ. Его главою стал судья Тимофей Витовтов, человек безупречной репутации. Витовтов получил чин думного дьяка на службе в первом ополчении под Москвой.

Монастыри обладали крупными богатствами, и Минин охотно обращался к ним за займами. Соловецкий монастырь согласился ссудить земскую власть деньгами. Но он выразил сомнение по поводу полномочий нечиновного человека Минина. Монахи потребовали, чтобы Пожарский сам расписался на заемном письме.

Купцы и солепромышленники Строгановы оказались стоворчивее старцев. По настоянию Кузьмы Минина их приказчики дали ополчению в долг четыре тысячи рублей. Староста договорился о займе также с тремя московскими и четырьмя ярославскими купцами. Так удалось раздобыть еще тысячу рублей. Кузьма обязался возместить деньги, когда нижегородские денежные доходы “в сборе будут”. Но шла война, и расходы перекрывали новые поступления. Вождям ополчения приходилось думать не о погашении старых, а о заключении новых займов.

Земская казна постоянно пополнялась за счет добровольных пожертвований. В грамотах к населению выборный человек вновь и вновь просил народ “поревновать” о родине, “пожаловать” земскую власть и самим “промеж себя” произвести обложение, “что кому с себя дать на подмогу ратным людям”.

Из городов в Ярославль везли добровольно собранную казну. Вместе с жертвованиями ополчение получило немало серебряных вещей. Кузьма мгновенно оценил ситуацию и устроил в городе Денежный двор. Мастера переплавляли вещи и били монету, которую казна тут же использовала на жалованье ратным людям. (Р. Скрынников «Минин и Пожарский»)

Когда земское войско подошло к Троице-Сергиевой лавре, его руководи-

тели впервые узнали о том, что на помощь засевшим в Москве польским войскам движется корпус под командованием гетмана Ходкевича. Было решено спешно продолжить марш ополчения к столице.

Передовые отряды ополченцев подошли к Москве немногим ранее поляков и расположились полукругом от Тверских до Пречистенских ворот. Первое столкновение между противниками произошло 22 августа близ Новодевичьего монастыря. В ходе этого боя полякам удалось переправиться через Москва-реку, и лишь вмешательство казацких сотен князя Трубецкого, стоявших под Москвой ещё задолго до прихода Минина и Пожарского и выступивших на их стороне, спасло положение. Не ожидавшие флангового удара польские роты вынуждены были отступить за реку к Поклонной горе.

В ночь с 23 на 24 августа отряд из 500 человек, посланный Ходкевичем, под покровом темноты проник в осаждённый Кремль. Усиленные этим отрядом, засевшие там поляки совершили дерзкую вылазку из ворот Китай-города, переправились через реку и овладели позициями ополченцев близ церкви Святого Георгия. В то же время Ходкевич двинул свои полки к Донскому монастырю, стараясь зайти в тыл ополченцев с незащищённой, юго-восточной стороны. Однако земская пехота остановила продвижение поляков. Завязался упорный бой, в котором колоссальные потери были с обеих сторон, но удача всё же сопутствовала полякам. Ополченцы вынуждены были отступить на левый берег Москва-реки. Поляки начали преследование и также переправились на левый берег.

В этот момент Кузьма Минин снова обратился к казакам с просьбой помочь в отражении атаки. Казаки ринулись в бой и опрокинули боевые порядки наступавших поляков. Пока шло это сражение, Минин сам вместе с отборной дворянской дружиной переправился на другой берег Москва-реки и ударил в тыл польским войскам. В стане Ходкевича поднялась паника. Бросив весь обоз, артиллерию и провиант, гетман спешно отступил из русской столицы. В значительной степени это предредило судьбу польского гарнизона в Кремле. 26 октября 1612 года, убедившись в своей обречённости, он капитулировал.

Земская рать со стороны Арбата торжественным маршем, с развёрнутыми знаменами, под шум ликующей толпы горожан проследовала на Красную площадь. Там она соединилась с участвовавшими в освобождении столицы отрядами князя Трубецкого. Войска сошлись возле Лобного места и через Спасские ворота вошли в Кремль. Москвичи праздновали победу.

В Успенском соборе был отслужен торжественный молебен об избавлении от неприятеля царствующего града.

Поляки еще пытались удержаться на русской земле, но воодушевленные успехами ополченцы всюду гнали интервентов восвояси.

Русский народ высоко оценил патриотическую и организаторскую ини-

Памятник Минину и Пожарскому в Москве. Скульптор И.П. Мартос

циативу Минина и Пожарского по изгнанию с русской земли польских интервентов и при их жизни воздавал патриотам Отечества хвалу и честь.

Включить в книгу историю формирования народных ополчений для борьбы против иностранных поработителей меня побудило желание показать извечную любовь народа к своему Отечеству, что если случалось так, что руководители государства оказывались неспособными отстоять свободу и

независимость своего народа, то сам русский народ решал свою судьбу, выдвинув из своей среды талантливых организаторов-патриотов и под их руководством спасал самостоятельность и самобытность Великой Родины.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

В 1613 году на заседании Земского собора (одного из самых известных в истории России) был избран на царство представитель новой династии — Михаил Романов. Таким образом, окончание Смутного времени было закреплено в России юридически.

Годы интервенции стали сильным потрясением для всей страны и московских приказов. Нарушилась нормальная деятельность учреждений: были разбросаны по всей стране, а частью погибли старые деятели приказной администрации. Создавались, правда, в урезанном виде, параллельные системы приказов — при боярском правительстве в захваченной польскими войсками Москве, в Тушинском лагере, в войсках народного ополчения. Но освобождение Москвы и избрание на престол Михаила Романова положили начало возрождению страны, усилению ее обороноспособности.

Правительство Михаила Романова восстановило старую систему вооруженной организации русского государства. Однако социальные и политические изменения в стране, задачи внутренней и внешней политики и отрицательный боевой опыт первой четверти XVII века требовали военных реформ. Назревавшая Смоленская война ускорила начало их осуществления. Сущность военных реформ заключалась в усилении темпа перехода к постоянной армии и увеличении численности таковой. В западноевропейских государствах постоянные армии организовывались на основе наемничества, в России - на основе верстания в службу основного боевого состава: дворян, детей боярских, иногда татар и казаков, и прибора (набора) в службу тяглого населения с количества земли или дворов. Реформы привели к укреплению национального облика русского войска.

В 1630 году было начато формирование двух солдатских полков из беспоместных детей боярских, которых оказалось всего 60 человек. Пришлось расширить контингент формирования, привлекая в полки казаков, татар, а затем и «вольных охочих» людей. Солдатам «для их бедности» устанавливалось жалованье 5 рублей в год и кормовые деньги (алтын в день), а также выдавались пищаля, порох и свинец.

Новые полки имели и новую организацию. Солдатский пехотный полк состоял из 8 рот по 200 рядовых в каждой, из них 120 мушкетеров и 80 копейщиков. Состав полка: большой порутчик, майор, капитаны, порутчи-

ки, сержанты, квартирмейстер, каптенармус, капралы, а также лекарь, подъячий (писарь), переводчики и барабанщики.

(Г.К. Катошихин «О России в царствование Алексея Михайловича» СПб.1906 г.)

Новые формы организации пехоты отвечали тактическим требованиям времени. Новые полки имели более четкую организационную структуру и определенную систему иерархии начальствующего состава. Военские звания соответствовали строевым должностям, что вносило полную ясность в вопрос порядка подчинения начальствующих лиц. Полкам новой организации указывалось быть «в ратном учении» в Москве у полковников-иностранцев.

В 1632 году было сформировано еще четыре солдатских полка. Все шесть полков участвовали в Смоленской войне.

В середине этого же года формировался рейтарский полк, положивший начало новой организации в коннице (в полках старой организации-воевода, сторожеставец или окольный, сотники, пятидесятники, десятники, окольный, дозорщик под ружьем, есаул). По описанию того же Катошихина рейтары комплектовались дворянами, малопоместными и беспоместными детьми боярскими, недорослями и вольными людьми. Монастыри и неслуживые по старости дворяне выставляли по одному рейтару со 100 дворов. Рядовой состав комплектовался русскими людьми, начальствующий — иноземцами и русскими.

Рейтарский полк по указу имел 2000 ратных людей и делился на 12 рот по 167 человек в каждой. С 1632 года до конца Смоленской войны правительство сформировало 10 полков новой организации общей численностью до 17 тысяч человек. По окончании войны личный состав полков был распущен по домам. Следовательно, новые полки XVII века нельзя характеризовать как регулярную армию, они не являлись даже постоянным войском.

Рассматривая их структуру, можно только говорить о росте регулярства в них: четкая, постоянная организация, иерархия начальствующего состава, соответствовавшая строевым должностям, снабжение от государства и военное обучение.

В процессе становления регулярной армии большую роль играло непрерывное увеличение постоянного войска.

Для охраны границы наметили «прибрать» на службу 8 тысяч драгун и солдат из вольных людей. Практически же драгун удалось набрать, а солдат не удалось.

Тогда правительство издало указ о «приборе» в солдаты крестьян. В систему комплектования был введен новый принцип, имевший своим пред-

шественником набор даточных людей. Но это были уже не даточные люди, а солдаты, получавшие кормовое жалование, деньги на одежду и оружие.

Драгунские и солдатские пограничные полки с 1 ноября 1638 года были распущены по домам. В последующие годы каждую весну они вновь собирались и проходили военное обучение. Следовательно, и новые пограничные полки не являлись постоянным войском. Однако практика их формирования расширилась.

В 1649 году на Северо-Западной границе были сформированы три солдатских полка, из крестьян по подворной системе (с каждого двора - человек, а с больших семей - и больше).

Система комплектования новых полков получила и новую основу комплектования: «прибор» с крестьянского двора по семейному положению, а не с пахотной земли. Расширилась база комплектования войска и увеличились возможности его численного роста.

Новые полки комплектовались исключительно русскими людьми, а не разноплеменными наемниками. Начальствующий состав назначался из иностранцев, но соответственно дублировался русскими военачальниками с целью практической подготовки своих офицерских кадров.

«Уложение» 1649 года более четко определило основы службы дворян и детей боярских. Приказы верстали в службу 18-летнего новика по «отечеству», а повышали «по родству и за службу» (наказы 1641-1652 годов). Новым являлось также то, что денежное жалование (а не поместье) становилось основой материального обеспечения служилых дворян и детей боярских, которые по-прежнему должны были являться на службу «конно, людно и оружно». При этом огнестрельное оружие имели уже около 75 процентов служилых людей, пищальщиков же среди них было только 10 процентов.

В целом происходил количественный рост русского войска, насчитывавшего по «Росписи» 1651 года 133210 человек, из них:

дворян и детей боярских	- 39408 человек
стрельцов	- 44486 человек
казаков	- 21124 человек
драгун	- 8107 человек
татар	- 9113 человек
украинцев	- 4245 человек
пушкарей	- 4245 человек
иноземцев(наемников)	- 2707 человек
прочие	- 1649 человек

(В.С.Чернов «Вооруженные силы русского государства в XV-XVII в.в.» М. 1954г., стр.167.)

Во второй половине XVII века высшее административное устройство

вооруженной организации государства претерпело существенные изменения. Вместо ранее существовавшей полковой системы (комплектование полков большого, правой руки, левой руки, сторожевого и прибылого) в начале века возникла разрядная система. Разряд — это территориальный район (не следует путать его с современным военным округом, имеется лишь внешнее сходство, а существо различное), имевший определенную стратегическую задачу и комплектовавший воеводские полки. Уже согласно наказу 1678 года запись в солдаты или рейтары производилась по материальному положению. Запрещалось верстать детей неслужилых отцов, крестьян и холопов.

Войско теперь состояло из разрядов (по территориальному принципу), исключая государев полк, комплектовавшийся со всей территории государства. В конце XVII века этот полк насчитывал до 7 тысяч человек. Разряды составлялись из воеводских полков. Так, например, войско князя Черкасского в 1679 году состояло из большого полка в составе трех воеводских полков, из четырех разрядов (новгородского, казанского, рязанского и белгородского) по два воеводских полка в каждом и двух отдельных отрядов.

Была составлена «ропись перечневая ратным людям, которые в 1680 году расписаны в полки по разрядам». В девяти разрядах (московский, северский (севский), владимирский, новгородский, казанский, смоленский, рязанский, белгородский, тамбовский) состояло 164 600 служилых людей (пехота составляла 49 процентов, конница 51 процент).

В связи с разрядной реформой осуществлялась и реорганизация центрального военного управления. Все ратные люди полковой службы (исключая приказы - сибирский, казанский, и малой России) переходили в ведение трех приказов: разрядного, рейтарского и иноземного.

Специальными военными делами продолжали ведать стрелецкий, пушкарский, оружейный и казачий приказы.

12 ноября 1680 года издан еще один указ, упорядочивший руководство ратным делом («О разделении ведомства ратных людей, конных и пеших между разными приказами»). Согласно указу стрельцы (кроме казанских и московских), городовые казаки и дети боярские переписывались в солдатскую службу и расписывались по полкам. Этим самым фактически начиналось упразднение стрельцов и части поместного войска.

(Полное собрание законов (ПСЗ), Т 2 стр.844.)

Особое место в системе вооруженных сил Московского государства занимали казаки.

В результате все усиливавшейся феодальной эксплуатации многие крестьяне бежали на юг, в степи. На реках Дон, Урал, Терек скапливалось вольное население, получившее название «казаки», то есть вольные люди. Из них складывались общины, управляемые выборными должностными лицами — атаманами, есаулами, сотниками.

Московское правительство поддерживало казаков, так как они охраняли юго-восточные границы страны, снабжало их хлебом, боеприпасами, денежным жалованьем. Наиболее раннее указание об участии казаков в боевых действиях русских войск относится к 1444 году.

(С.М.Соловьев «История России с древнейших времен», книга 1, т.4)

На среднем и нижнем Дону сложилось «великое войско Донское», на реке Урал сформировалось Яицкое казачье войско, на Нижней Волге и Тереке - Волжские и Гребенские или Терские казаки. Особое место занимали Запорожские казаки с Левобережной Украины во главе с выборным Гетманом.

В первой половине XVII века, по сообщению француза Левассера де Боплана, прослужившего 17 лет в Польше, в Запорожье насчитывалось 120 тысяч казаков. *(Боплан «Описание Украины», СПб. 1832, стр.4.)*

Численность всего населения могла достигать этой цифры, но казаков, было в несколько раз меньше. В походах, по данным того же автора, обычно участвовало от 6 до 10 тысяч человек.

Главным занятием казаков были: охота, рыбная ловля, пограничная служба и война (походы против турок, татар, польских феодалов). Войну против «басурман» (магометан) запорожские казаки считали своей священной обязанностью. Пограничная война с татарами и турками называлась «казацством».

Все Запорожское войско делилось на реестровое и нереестровое. В начале XVII века официально числилось четыре реестровых полка по 500 казаков в каждом. На самом деле полков было больше и численность их была не одинакова. Некоторые полки имели по несколько тысяч человек. Полки делились на сотни, а сотни на курени. Куренем командовал атаман, сотней-сотник, а полком-полковник. Во главе «вольного войска Запорожского» стоял кошевой атаман, который избирался радой (собранием) всего войска. Поручения кошевого атамана исполняли есаулы, артиллерией ведал пушкарь, канцелярией заведовал писарь. Себя казаки называли «товарищами», а все войско «товариществом». Этот широкий казацкий демократизм не противоречил высокой воинской дисциплине.

Казаки не знали и не употребляли замкнутого строя и по своей организации, подготовке и вооружению не были готовы к открытому бою с регулярными войсками. Они были ценным дополнением регулярных войск.

В тридцатых годах XVII века гетманом нереестровых запорожских казаков был Иван Михайлович Сулима, бывший крепостной. В 1633 году, во главе отряда запорожских казаков в 2 тысячи сабель, он предпринял крупную военную экспедицию за море против турок. Сулима с казаками «гулял» по Азовскому морю, вернулся в Черное, взял штурмом при устье Днепра Аккерман и вырезал весь турецкий гарнизон, на устье Дуная — Килию и Измаил, огненным шквалом пронесся по многим турецким селам и деревням освобождая православных

людей из турецкой неволи. Слава о нем понеслась по всей Украине и окраинам России, и стал он гетманом нереестрового запорожского казачества. И бежали к нему с России крепостные, и превращались в вольных, свободных людей, защитников веры православной и верных защитников своей новой родины, которая принимала их в казачье сословие и никому не выдавала, и каждый из них свято верил, что будет так вечно, что, отстояв свою свободу, в широкой украинской степи будет вечно «лишь казачий народ только жить!».

В 1635 году казаки, вместе со своим предводителем возвращались в Запорожскую Сечь, из очень удачного морского похода, и на своем пути на Днепре, ниже реки Суматры, они увидели неведомую им дотоле крепость. Это был Кодак, построенный незадолго коренным гетманом Станиславом Конецпольским (1591-1646), чтобы грозить Запорожью и не допускать ни запорожцев вверх по Днепру, ни беглецов из Украины на Запорожье.

Крепость строил известный фортификатор француз Левассер де Боплан, гарнизоном же командовал французский полковник Марион. Сооруженная по последнему слову фортификационной науки крепость считалась неприступной.

Сулима штурмовал крепость на рассвете, когда гарнизон его сладко спал. Враги казаков не успели схватиться за оружие; казаки вырезали весь гарнизон, не пощадив и командира, разрушив крепость до основания. Только через десять лет польской короне удалось восстановить крепость.

Разгромить объединенные силы реестровых и нереестровых казаков коронный гетман Конецпольский не мог. В ход пошли таллеры и золотые червончики. При помощи их удалось Конецпольскому склонить на свою сторону зажиточную верхушку реестровых запорожских казаков, благодаря чему отряд Сулимы был усмирен, а атамана с пятью старшинами реестровые казаки пленили и выдали полякам под обещание не делать пленным ничего дурного.

В железной клетке Гетман Сулима с пятью своими товарищами был увезен в Варшаву. В конце 1635 года все они были казнены.

Потомки славного гетмана Ивана Сулимы достойно служили Отечеству. Один из них, Николай Семенович Сулима, дослужившийся до чина генерал-лейтенанта императорской армии, участвовал в битве с французами при Прейсиш-Эйлау в 1807 году и во многих сражениях Отечественной войны 1812 года. Его потомки бережно хранят шашку, по лезвию которой выгравировано: «Генерал-лейтенанту Сулима Николаю Семеновичу в память о наполеоновских войнах, кампаниях турецкой и польской от фельдмаршала И.И.Дибич-Забайкальского. с.Горохово, 15 февраля 1831г. Польша».

Н.С. Сулима в 1833-1837 годах был губернатором Восточной Сибири.

Один из его потомков есаул Курганского отдела Сибирского казачьего войска Виталий Иванович Сулима сейчас живет в городе Кургане, вырастил сыновей Павла и Николая, активно занимается работой по патриотическому воспитанию молодых курганцев.

Хочется еще раз напомнить читателям общую черту казачества — это бунтарский дух. Ни одно вселенское потрясение на Руси не обошлось без казаков. Вожди народных волнений: Степан Разин, Кондрат Булавин, Емельян Пугачев, навеки оставшиеся в памяти народной, — были казаками. Только политический такт, дипломатическое умение, колоссальное терпение русского правительства помогли прибрать “к государевым рукам” непокорную вольницу, ее боевую мощь и поставить на службу монархии и Отечеству.

К великому сожалению, в годы гражданской войны за Советскую власть, правительство молодой республики Советов не разглядело в казачей демократии ценнейшего многовекового опыта, а в жизненном укладе — высокой нравственности и глубочайшего государственного патриотизма. Стремление революционным путем строить жизнь всех по единому образцу столкнулось с духом подлинной свободы, независимости и самостоятельности казачества. На истинных патриотов и защитников Отечества государство обрушило репрессии и террор. Они нанесли неисчислимые беды казачеству, а еще большие — их колыбели и матери России.

Впрочем, служение Родине всегда было отличительной чертой вольных казаков. И удивительное дело — цари, их вельможи, познав тонкость казацкой души, ее сыновнюю преданность своему народу, не только не боялись всячески поощрять этот вольный люд, снабжать его “ружьем, свинцом и порохом”, но и

*Атаман войска Донского
Матвей Иванович Платов.
(1756-1818 годы).*

Гравюра Клаубер (1809).
Из собрания Д.А. Ровинского.

создавать новые войска из тех же элементов, из которых складывались первые общины. Так было создано Оренбургское и другие “рукотворные” войска Сибири и Дальнего Востока. Замешанные на истинной казацкой вольнице, они вбирали в себя все недовольное и бунтарское, отсеивали случайный нанос и цементировались духом. Казалось, сама земля перерождала людей в стойкую опору царя и державы. А если учесть, что службу казак нес за свой кошт, почти бескорыстно — это не могло не удивлять другие народы.

Забегая вперед скажу, что после 1812 года в казачьих кругах ходил такой анекдот. Наполеон, восторгавшийся отвагой, лихим маневром и четким воинским мастерством казаков, спросил атамана Платова:

“Как вам удалось вырастить таких воинов и что нужно сделать, чтобы и во Франции были свои казаки?” Прямолинейный Платов совсем не дипломатически ответил: “Пришлите к нам на Дон 20 тысяч здоровых француженок и через 20 лет вы получите 20 тысяч молодых казаков, таких, как наши удалцы”.

В этом анекдоте сокрыт глубокий смысл. Казалось бы, чего проще, взять и оставить на годик, другой те же 20 тысяч казаков во Франции, и родили бы француженки 20 тысяч казачат. Но родиться казаком — не значит им стать. Для этого надо получить определенное воспитание с пеленок и до двадцати лет жить на земле, пропитанной потом, кровью и духом казачьим, дышать воздухом вольных степей.

Только все эти компоненты вместе взятые могли родить феномен, ставший славой и гордостью России, — казачество.

Все нововведения в ратном деле требовали появления новой чиновничьей службы. Поэтому наряду с реставрацией старых приказов шло и создание новых. Происходили изменения и в составе руководства приказами, где усиливалось влияние боярства, а дьяки постепенно отходили на второй план.

Приказные люди за работой. Рисунок из старинной рукописи

К середине столетия общее число приказов достигло 53. Однако этот рост происходил в основном за счёт быстрого расширения штата подьячих, которых к концу века насчитывалось около 3,5 тысячи человек. Только в одном Поместном приказе работали 400 подьячих. Посетивший в это время Россию Яков Рейтенфельс в своих “Сказаниях” писал о “почти бесчисленном количестве” подьячих в Москве. С середины века при крупных приказах создавались специальные школы для подготовки квалифицированных кадров. Существовало внутреннее деление приказов на “столы” и “повытья” (более мелкие подразделения).

Старое кремлёвское здание приказов перестаёт вмещать многочисленную армию подьячих. Архимандрит Андреевского монастыря Авраамий говорил, что “иным де и сидеть негде, стоя пишут”. В связи с этим в 70-х годах XVII века ряд приказов был вынесен за территорию Кремля и размещён в Китай-городе, а отчасти в Белом городе. Но даже через десять лет, когда на месте старого было построено новое двухэтажное здание, многие из приказов не вернулись в Кремль.

К середине века и особенно во второй его половине заметно обострились недостатки приказной системы: её неповоротливость, нечёткость распределения обязанностей между отдельными учреждениями. Приказная “волокига” признавалась и правительством. Нередко она использовалась приказными людьми в корыстных целях для вымогательства взяток. Случались в приказах и прямые хищения казны.

Царь Алексей Михайлович пытался исправить изъяны приказной системы, предписав приказу Тайных дел (своей личной канцелярии) и Счётному приказу — контролировать работу других приказных учреждений. Но после смерти царя обе контрольные комиссии были ликвидированы.

С присоединением Сибири территория Российской империи удвоилась. Поэтому, естественно, что в Москве для управления этой огромной и богатейшей землей был создан Сибирский приказ, который выделился из приказа Казанского дворца. В его ведение входили судебно-административные, финансово-податные, таможенные, военные и, в известной степени, дипломатические вопросы. Он назначал воевод и перемещал чинов по службе. Его аппарат состоял из судьи (начальника) приказа, дьяков и подьячих. Основное делопроизводство по управлению Сибирью велось по территориальному признаку. (Н.Н. Оглобин. “Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа. 1582-1768 годы”, ч. 1-4, М., 1895-1901 годы)

Вся Сибирь делилась на 19 уездов. Сибирские территориально-административные единицы имели одинаковую структуру управления, которая копировалась снизу доверху. Царь через Боярскую Думу и приказ Тайных дел управлял Сибирским приказом, которому подчинялся Тобольский гарнизон, сформированный в 1661 году по образцу военной реформы 1647 года. Во главе его находился воевода. Он состоял из: комсостава – товарищ воеводы, дворяне московского списка, городовые дворяне, голова (военные или гражд-

данские лица); стрельцов (300-500 человек), солдат, рейтар, драгун (по 1000 человек); казаков; сакмачей (станичная сторожевая служба); городских дел мастеров (фортификаторов); формирований служилых людей из ясачных народов (татары, ханты, манси); корпоративных объединений “приборного войска” (пушкари, затинщики, воротники); служилых людей литовского (немецкого) списка; детей боярских городского списка.

Тобольскому гарнизону подчинялись разряды и уезды, возглавляемые соответствующими воеводами. Последние, через Канцелярию (съезжую избу) управляли головами, приказчиками, земскими старостами, вождями ясачных волостей. Военные гарнизоны уездных центров, острогов, слобод отличались от вышестоящих только численностью контингента и вариантами этнического состава.

Из-за отсутствия дворянского выборного самоуправления на местах губернская система управления в Сибири не существовала.

В это время основную массу населения Сибири составляли служилые люди (около 10 тысяч человек) и семьи крестьян-переселенцев (около 11 тысяч человек).

Закрепление территорий Сибири и Зауралья в составе России потребовало создания здесь крепкой и надежной системы местного управления.

В XVII - начале XVIII веков ее основными элементами были: высшее звено - воеводская власть и основная единица административного деления - уезд; приказная власть и низшая единица административного деления - слобода. Структура власти выглядела следующим образом: разряд (объединял несколько уездов) с воеводой во главе; подчиненные ему уезды, с воеводами во главе; приказная власть в слободах со слободчиками (приказчиками) во главе.

Находившиеся в подчинении Тобольского разряда воеводы уездов имели достаточно высокую степень самостоятельности. В их распоряжении были приказные избы, издававшие наказные памяти по военным вопросам: формирование войска, его снабжение и обеспечение. Воеводам надлежало постоянно иметь силы, готовые к отражению военного натиска. Важную роль в учете таких людей играли переписи населения. В рассматриваемое время воеводами здесь были князья Годунов, Куракин, Трубецкой, Репнин, Голицин. *(История Курганской области, Курган, 1995, т.1, стр.165-166)*

Главным администратором, управляющим городом, был воевода. Его двор находился в крепости, неподалёку от приказной избы — места, где вершились административные и судебные дела. Поблизости находилась и тюрьма. Все служебные строения стояли обычно вокруг главного, соборного храма города — каменного или деревянного.

Воевод правительство назначало на один-три года. Передача власти проходила в городском соборе. Вновь назначенный администратор получал здесь знамя и ключи от города и казны. Затем он переходил в приказную избу и

Приезд воеводы. С картины С.В. Иванова.

знакомился с подчинёнными, принимал дела, устраивал смотр служилым людям, которые в парадной одежде приветствовали нового воеводу.

Воеводство — дело доходное, это и большая честь для дворянина, и сытый “корм” (“кормом” тогда называли жалованье). Собираясь в дальнюю дорогу, новый воевода получал длинный царский наказ, где перечислялись все его обязанности. **Воеводе надлежало “беречь накрепко, чтобы в городе да в уезде не было разбоя, воровства, убийства, бою, грабежа, распутства”**. А того, кто в этом провинится, — брать и, “сыскав добро”, наказывать. Воевода — высшая инстанция и в решении всех гражданских дел. Более же всего он обязан был заботиться о том, чтобы все до копейки доходы государевы своевременно доставлялись в казну.

Вторым лицом в городе был *губной староста*, который ведал уголовными делами. Его выбирали городские и уездные дворяне. *Губная изба* — “резиденция” старосты — также находилась в крепости.

Слободская администрация состояла из приказчика, командира местной воинской команды, подьячего и писчика, отвечала за оборону подведомственной территории, формирование воинских сил. Слободчик (приказчик) был одновременно представителем гражданской и военной власти. (*История Курганской области, Курган, 1995, т.1, стр.172*)

Согласно переписи 1686 года должности приказчиков зауральских слобод в это время в основном занимали представители служилых

В губной избе. С картины А. Ф. Максимов.

людей “по отечеству”. Итак, в слободах: Суерской - сын боярский Спиридон Рачковский, Усть-Суерской - сын боярский Алексей Бутнеев, Белоярской - сын боярский Алексей Черкасов, Цареве Городище - сын боярский Петр Спиридонов, Бешкильской - сын боярский Федор Вындомский, Исетской - сын боярский Федор Рукин, Терсюцкой - сын боярский Яков Соснин, Мехонской - сын боярский Иван Парфентьев, Масленской - сын боярский Михаил Выходцев, Красномысской - сын боярский Иван Иевлев, Катайской - сын боярский Нифантий Заливин, Миасской - сын боярский Лука Жулжевский *(История Курганской области, Курган, 1995, т.1, стр.159)*

В XVII веке при царствовании Алексея Михайловича был сделан значительный шаг по экономическому развитию России. Появились крупные, по тем временам, заводы и фабрики, в Москве был расширен пушечный двор. С присоединением Сибири и Украины возросла внутренняя и внешняя торговля. Царь Алексей понимал, что для успешной торговли, для защиты самостоятельности и независимости России, необходимы были выходы в Черное и Балтийское моря. Черное море находилось в руках у крымских татар и турок, а Балтийским морем владели шведы. Это были серьезные противники России, и война с которыми, в конце концов, была неизбежна.

Основу Русской армии в этот период составляли дворянское ополчение и стрелецкое войско. Постоянной армии в России еще не было, хотя имелись ее зачатки (стрельцы, наемники, наряд).

Таким образом, в конце XVII века русское государство и его армия нуждались в коренных преобразованиях.

ПЕТР I - СОЗДАТЕЛЬ ПОСТОЯННОЙ, РЕГУЛЯРНОЙ АРМИИ В РОССИИ

Петр I

После смерти царя Алексея (1682 год) в Российском государстве развернулась борьба за царский трон, в результате которой царицей стала дочь Алексея Михайловича Софья.

Петр (младший сын Алексея) вместе со своей матерью жили в селе Преображенском под Москвой. С детства Петр отличался любознательностью, бойким умом, любовью к воинскому делу. Он устраивал баталии со своими сверстниками, организовывал и проводил «сражения» как на воде, так и на суше.

В 1683 году Петру шел 12-й год. В Преображенском из дворянской молодежи и холопов «для увеселения и забав» молодого царевича была организована «потешная» рота, которая со временем развернулась в два полка - Семеновский и Преображенский. Эти полки были вооружены, обмундированы и обучались по образцам иностранной армии.

Первым записался в солдаты Петра I Сергей Леонидович Бухвостов (1659-1728 г.г.), «первый Российский солдат», по определению Петра I. В 1674-1683 годах он служил в Конюшенном приказе, затем при дворе царя в селе Преображенском. Здесь он вместе с другими придворными осваивал военное дело, и в 1683 году первым записался в войска Петра I, был определен бомбардиром в Преображенский полк. Участвовал в Азовских походах. За умелые действия в боях в 1698 году получил звание капрала, в 1700 году – сержанта, в 1706 году произведен в подпоручики лейб-гвардии Преображенского полка. За участие и геройские действия в Полтавской битве награжден медалью. При взятии крепости Штеттин был тяжело ранен. С 1717 года переведен на службу в Петербургский гарнизон в чине майора.

После смерти Сергей Бухвостов, как «первый Российский солдат», увековечен в памятнике-бюсте, отлитом в бронзе (скульптор Растрелли).

Петр I видел в солдатском звании особый смысл. Ему принадлежит выражение: **“Солдат есть имя общее, знаменитое: солдатом называется первейший генерал и последний рядовой”**. Он всегда считал, что для русского человека – **“в службе честь”**.

В 1690-1691 годах под руководством Петра I прошли первые военные маневры, в которых участвовали «потешные» полки. В маневрах 1694 года под Кужаховом участвовало уже свыше 30 000 человек. Содержанием маневров была атака крепости, специально для этого построенной. Так учился военному делу Петр I, так зарождалась новая армия.

В 1689 году семнадцатилетний Петр, опираясь на свои, к тому времени уже значительные вооруженные силы, стал царем Российского государства. Он хорошо понимал, что для развития России как в экономическом, так и в военном плане необходимо создание новой армии. Начало XVIII века ознаменовалось в России завершением процесса превращения постоянной армии в регулярную. Военные преобразования первой четверти века вошли в историю как военные реформы Петра.

Основным их содержанием стало создание регулярных армии и флота. Они были основаны на рекрутской системе комплектования, упразднении ранее существовавших разнородных воинских формирований и введении однотипной организации и вооружения в пехоте, коннице и артиллерии, а также единой системы воинского обучения и воспитания. Произошла замена Приказов Военной коллегией и Адмиралтейств - коллегией, была учреждена должность главнокомандующего, открыты военные школы для подготовки офицерских кадров, а сама служба офицеров стала более регламентированной. К этому перечню можно добавить проведение военно-судебных реформ.

К началу царствования Петра I русская армия во многом не соответствовала уровню военного дела, достигнутому крупными европейскими государствами той поры. Полки «нового строя», не говоря уже о конном поместном ополчении и стрелецком войске, не могли еще противостоять шведской регулярной армии, которая считалась в то время одной из лучших в Европе.

Основу петровских реформ составляла рекрутская система комплектования, введенная в 1699 году. В ее основу были положены формы набора людей в солдатские и драгунские полки «нового строя». Первые два года комплектование регулярной армии вели временные комиссии, созданные царским указом. Указ «О приеме в службу в солдаты из всяких вольных людей» был объявлен 8 ноября 1699 года. Записывали вначале именно вольных, то есть лично свободных людей, не имеющих собственности, а также холопов, отпущенных своими господами на волю. Набор «даточных» людей шел параллельно с приемом в солдаты «вольных». Добровольцам было обещано очень высокое по тем временам жалованье (по 11 рублей в год), продовольственное снабжение, обмундирование наравне с солдатами Преображенского и Семеновского полков.

Для приема охотников в Преображенском были учреждены две канцелярии из подьячих ямского и холопьяго приказов, в съезжей сол-

датской избе и на дворе боярина Ф.А.Головина, командира вновь формируемой дивизии.

17 ноября последовало новое правительственное распоряжение, которым предписывалось развернуть набор «даточных людей». Согласно этому Указу, именитый человек Строганов и духовенство должны были выставить по одному даточному с каждых 25 дворов. Если число дворов было меньше, то взималось по 11 рублей за человека. У служилых людей, находящихся на гражданской службе, брался один даточный с 30 дворов, а у бывших на военной службе - один с 50 дворов или 11 рублей за человека. Кроме пеших даточных людей московские служилые люди выставляли по одному конному даточному со 100 дворов.

Этот набор был возложен на комиссию боярина Ф.А. Головина и генерала А.А.Вейде, работающую на генеральном дворе в селе Преображенском. 5 декабря аналогичные комиссии были созданы в Новгороде, Пскове, Смоленске с тем же подчинением. Притом набираемый контингент должен был идти именно в строевую службу для формирования регулярных, постоянных полков, которые не должны были распускаться по домам по миновании надобности, а должны были служить и обучаться непрерывно.

Особую область вербовки составили понизовые приволжские города, куда для этого дела был послан подполковник Преображенского полка князь Аникита Репнин. По данной ему 17 ноября 1699 года инструкции он должен был «прибирать в солдатскую службу» пригодных людей из служивого сословия: детей боярских, недорослей, казачьих и стрелецких детей, а также из так называемых вольных людей.

Комплектование армии было возложено на военный приказ после прекращения временных работ в Преображенском, которые в 1699-1700 годах сформировали из вольных и даточных людей два драгунских и 29 солдатских полков.

Параллельно с «вольницей» существовал институт «наймитов». Это были лично свободные либо отпущенные господами холопы или крепостные, нанимавшиеся служить в армии вместо кого-либо. Своим нанимателям наймиты давали «записи» с обязательством не сбежать со службы, не знаться с воровскими людьми, не терять оружия и устанавливали себе кару за побег - смертную казнь. В случае бегства наймита на службу поступали его поручатели.

Комплектование армии офицерским составом в допетровский период не было строго регламентировано. В поместном ополчении командные должности замещались только при сборе в поход из среды дворян, а высшие командные должности - из среды бояр и отчасти представителей дворянской верхушки. В стрелецких полках командный состав был постоянным и подбирался - низший из стрельцов, а старший из дворян; в полках «нового

строю» командный состав первоначально состоял в значительной степени из иностранцев, но постепенно они стали заменяться русскими офицерами и к началу петровской реформы во всей русской армии иностранных офицеров числилось около 300 человек. В ряде боев периода 1699 - 1705 годов иностранные офицеры, даже и те, кто давно служил в русской армии, не оправдали себя. Авторитетом они у солдат не пользовались, в трудный момент впадали в панику и легко сдавались в плен. И не случайно, в 1705 году своим указом Петр I ограничил прием иностранцев на службу в русскую армию. Как правило, офицеры в русской армии происходили из дворян. Исключение допускалось только для особо способных и заслуженных представителей других классов (с получением чина полковника они становились дворянами). Командный состав был постоянным. Петр I не освободил дворян от постоянной службы в армии. Он, сверх того, установил порядок непрерывной службы дворян в армии. «Дворянский недоросль», получив домашнее образование, с 15 лет являлся на службу в полк. Петр I придавал большое значение тому, чтобы будущий офицер послужил несколько лет солдатом и унтер - офицером, начинал службу с «фундамента солдатского дела». Ни знатность, ни богатство, ни высокое положение отца не могли избавить сына от солдатской службы.

Петр I понимал, что для дальнейшего совершенствования боеспособности армии необходима постоянная подготовка офицеров. Для этого в 1701 году была открыта мореходная школа в Москве, в 1707 году - медицинская школа при военном госпитале в Яузе, в 1715 году - в Петербурге морская академия для знатных дворян, там же имелась артиллерийская школа.

Все эти преобразования позволили русскому офицерскому корпусу вырасти от малограмотных в военном отношении в высокообразованных полководцев.

Во время Северной войны 1700 - 1721 годы контингент желающих добровольно поступить в армию был быстро исчерпан и основным источником пополнения войск стал сбор даточных людей. В 1710 году был проведен последний такой сбор. С этого времени окончательно устанавливается единая система комплектования армии - рекрутский набор.

Нормы даточного набора приказ Военных дел установил в октябре 1703 года. С помещиков и купцов брали каждого пятого дворового и каждого десятого «делового» человека, то есть знающего ремесло. Владельцы таких даточных людей обязывались доставлять их на смотр в количестве вдвое большем, чем требовалось, чтобы было из кого выбирать.

Военные реформы Петр I проводил последовательно:

В 1698 - 1699 годах было составлено наставление по строевой подготовке войск. Это была первая попытка создания единых строевых уставных правил. Петр провел следующие мероприятия: ввел две кате-

гории обучения - для новобранцев и старослужащих; уменьшил количество перестроений и ружейных приемов; выработал простые, четкие команды и доходчивый командный язык.

С 1699 года начал массовую подготовку офицеров из русских людей в самой армии.

В 1699 - 1700 годах создал единообразные полки регулярной пехоты 12-ротного состава, одинаково вооруженные за счет государства, произвел централизованный набор пехоты, что явилось предпосылкой окончательного перехода к рекрутской системе, введенной в 1705 году.

В 1700 году Петр I издал: «Статьи воинские, как надлежит солдату в житии себя держать и в строю, и в учении как обходиться», а также «ротные пехотные чины». В этих уставных положениях были изложены права и обязанности солдат и офицеров.

В 1699 - 1700 годах Петр I восстановил полки регулярной кавалерии - драгун, которые с 1702 года состояли из даточных людей, а с 1705 года комплектовались рекрутами. Весь офицерский и унтер - офицерский состав конницы пополнялся русскими.

В 1701 - 1702 годах Петром I в драгунских полках была введена легкая конная артиллерия.

В 1704 году в драгунских полках было создано по одной гренадерской роте.

В течение 1701 года в России на собственных заводах были сделаны 268 орудий, а с 1702 года сделали легкие полевые гаубицы для конниц. В том же году артиллерия получила усовершенствованные зарядные ящики. В 1701 - 1706 годах Петр I имел четкую структуру артиллерии, которая делилась на легкую полковую, осадную и гарнизонную. В 1701 году был сформирован первый артиллерийский полк.

В 1701 году была создана первая инженерно - саперная рота.

В 1700 - 1705 годах претерпело изменения управление войсками. В военное время оно осуществлялось через полевой штаб, который впоследствии превратился в Генеральный штаб.

В эти же годы были введены ордена и медали.

В эти же годы Петр I применяет линейное построение пехоты и конницы, выделение резерва и организацию между ними взаимодействия.

С 1702 года Петр I организывает и применяет в войне со Швецией подвижные отряды, что явилось предпосылками к знаменитому «Карволанту», и 1708 год, «искать неприятеля скорыми способами налегке».

В 1700 - 1705 годах Петр усовершенствовал организацию армии, ее оснащение и боевую подготовку, произведя это на основе непосредственного опыта на полях сражений.

В 1705 году был проведен окончательный переход к системе рекрутского набора.

В 1706 - 1709 годах проведено полное перевооружение армии ударно - кремневым ружьем с новым трехгранным штыком и новейшими облегченными пушками.

В течение 1706 - 1709 годов русская армия была организационно укреплена и усовершенствована - появились бригады и дивизии. Примерно с 1700 года начали выходить ежедневные приказы.

В 1708 году личный состав частей был укомплектован по территориальному признаку и полки названы по губерниям.

В 1704 - 1714 годах было введено производство офицеров «чин за чином».

В 1716 году установлено преимущественное получение чинов лицами, получившими военное образование.

Войска были приведены к присяге. Присяга принималась следующим образом: *«О присяге, каким образом присягу или обещание чинить от генерала до фендрика.*

Положить левую руку на евангелие, а правую руку поднять вверх с простертыми двумя большие персты. А солдатам (понеже их множество) правую только поднять пред предлежащим евангелием и говорить за читающим присягу и по прочтении целовать евангелие.

Сия присяга бывает генералитету в воинском консилие, а штаб, обер и унтер - офицерам и солдатам при полку или роте, при распущенном знамени.

Присяга или обещание всякого воинского чина людям. Я (имя рек) обещаюся всемогущим богом служить пресветлейшему царю государю верно и послушно, что в сих постановленных воинских артикулах, что оные в себе содержат будут все исполнять исправно. Его царского величества государства и земель его врагов, телом и кровию, в поле и крепостях, водою и сухим путем, в баталиях, партиях, осадах и штурмах и прочих воинских случаях, какого оные звания ни есть, храброе и сильное чинить противление, и всяким образом оных повреждать потщусь. И ежели что вражеское и предосудительное против персоны его величества, или его войск, тако же его государства людей или интересу государственного, что услышу или увижу, то обещаюся об оном по лучшей моей совести, и сколько мне известно будет, извещать и ничего не утаить; но толь паче во всем пользу его и лучшее охранять и исполнять. А командирам моим, поставленным надо мною, во всем, где его царского величества войск, государства и людей благополучию и приращению касается, в караулах, работах и в прочих случаях должное чинить послушание, и весьма повелению их не противиться. От роты и знамя, где надлежу, хотя в поле, обозе или гарнизоне, никогда не отлучаться, но

за оным, пока жив, непременно и верно, так как мне приятна честь моя и живот мой, следовать буду. И во всем так поступать, как честному, верному, послушному, храброму и неторопливому солдату надлежит. В чем да поможет мне господь бог всемогущий».

(“Хрестоматия по русской военной истории”. М. 1947. стр.138)

«Указом от 24 января 1722 года» был введен табель о рангах. Он определял порядок прохождения государственной службы как военной, так и штатской. Он устанавливал иерархическую лестницу чинов, которая просуществовала до 1917 года. Дальнейший ход истории показал всю гениальность и мудрость военного таланта Петра I и тех преобразований, которые он провел в русской армии. Русская национальная армия стала лучшей в Европе. Петр I заложил в русскую армию настолько прочные и верные основы организации и тактики, что они дали ей возможность развиваться вполне самостоятельно в течение всего 18 столетия и одерживать победы над всеми другими армиями.

Петр I стал добиваться централизации военного управления. После реформирования стрелецкого войска все военные дела изъяли из Стрелецкого приказа и передали в Земский приказ. Он стал ведать делами набора в формируемую регулярную армию.

Создавая новую систему военного управления, Петр I решительно упразднял старую. В 1711 году был учрежден Правительствующий Сенат, который стал ведать комплектованием армии, а образованный при нем комиссариат - финансированием войск, снабжением их вооружением, провиантом и обмундированием.

Преобразования военного управления привели к образованию Военной коллегии, подчинявшейся сенату. Она занималась всеми военными вопросами в государстве. Благодаря этим и другим преобразованиям национальные русские армия и флот выдвинулись на одно из ведущих мест в Европе.

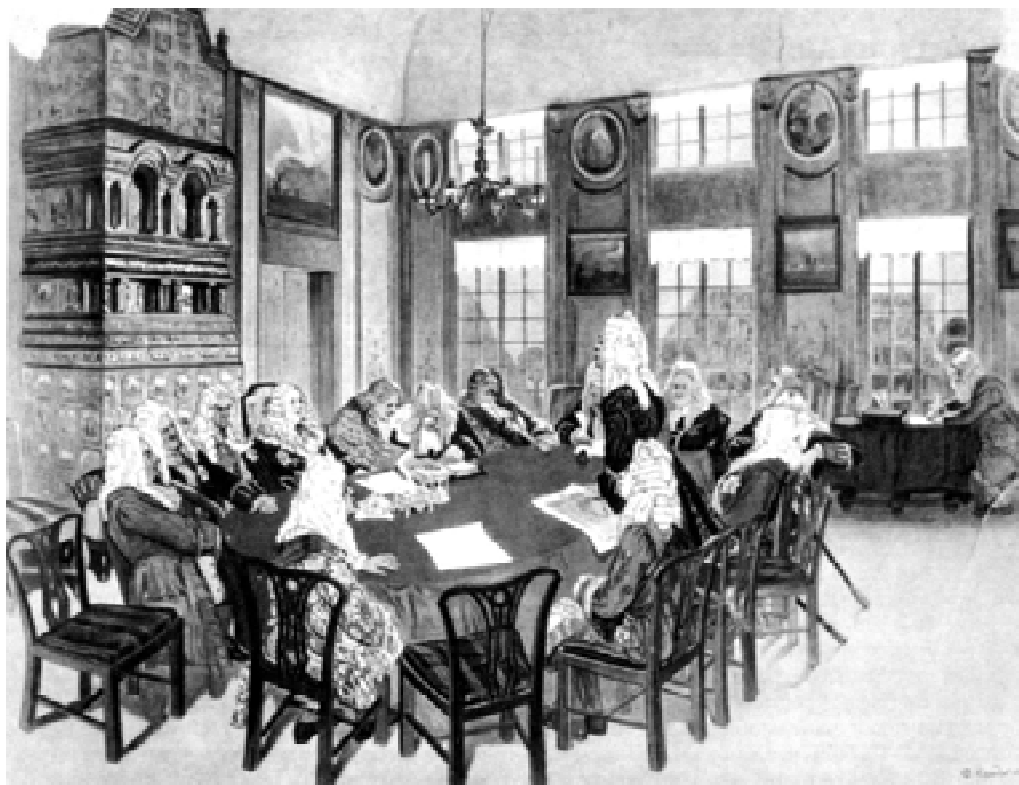
Реформы Петра I были подготовлены всем предшествующим развитием страны и внесли большие перемены в жизнь ее населения.

При Петре I была реорганизована система государственного управления. Боярская Дума окончательно утратила свое значение и незаметно прекратила существование, в то же время постепенно создавались новые органы управления.

Изменения в управлении, административно-территориальном делении России, организации государственного аппарата диктовались трудностями того времени. Главной целью реформ было быстрое и эффективное выколачивание из народа средств для покрытия постоянно растущих государственных расходов, прежде всего — на войну (сам император называл деньги “артериею войны”). Бессистемность и спешка часто приводили к путанице: не успевало войти в жизнь какое-либо установление, как через

несколько лет оно уже заменялось другим или сводилось на нет непрекращавшимися переменами в учреждениях, близких по своим функциям. Многие гражданские, военные и придворные должности поменяли старинные русские названия на европейские, по сути своей оставшись прежними.

Первой административной реформой стало создание в 1699 году особого ведомства городов. Власть воевод отменялась. Постепенно центр тяжести управления переносится на места. Помимо финансовых нужд это диктовалось также и потребностями армии. По замыслу Петра, новые местные органы власти должны были после окончания Северной войны заняться расквартированием войск (их размещением и обеспечением в мирных условиях). Практическое осуществление реформы началось в конце 1707 года. В 1708 году было провозглашено создание восьми *губерний*: Московской, Ингерманландской (впоследствии — Санкт-Петербургской), Киевской, Смоленской, Архангелогородской, Казанской, Азовской и Сибирской. Во главе губернии стоял *губернатор*. В его подчинении были *вице-губернатор* (заместитель), *ландрихтер*, ведавший судом, *провиантмейстеры* для сбора хлебных доходов, другие, назначаемые государством чиновники. Губернская реформа фактически упраздняла преобразования 1699 года: города были подчинены *уездным комендантам* (так с 1710 года стали именоваться воеводы).

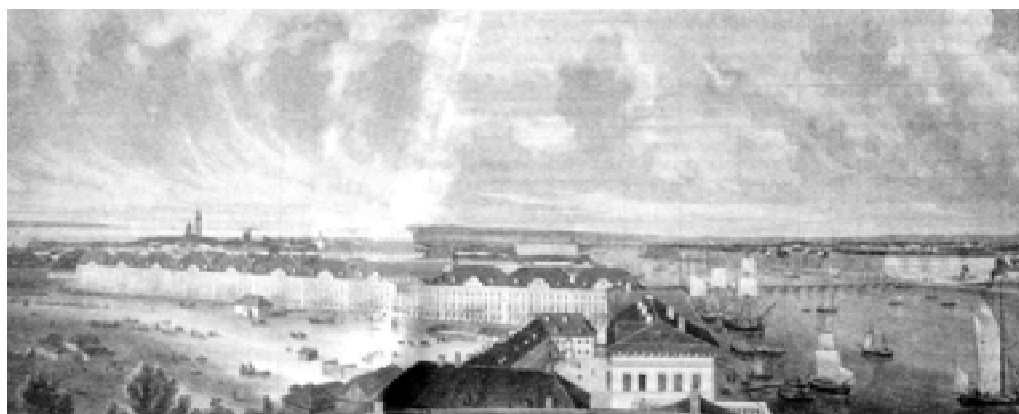
Сенат петровского времени. 1708 год.

Главная задача губернской реформы — обеспечение армии за счёт местных учреждений — выполнена не была, так как Северная война, несмотря на Полтавскую победу, затянулась до 1721 г. и разместить в губерниях “приписанные” к ним полки не удалось. Да и возможности губернаторов по сбору денег с населения оказались не безграничными.

Само по себе учреждение Сената ещё не означало создания нового центрального аппарата управления, призванного заменить уже в значительной степени развалившуюся систему приказов.

Ещё в 1712 году у Петра появилась идея организовать по шведскому образцу “коллегии”, которые должны были ведать отдельными отраслями управления. Для изучения иностранного опыта царь отправил за границу специальные экспедиции. Прошло несколько лет, и в 1718 году был подписан указ об учреждении девяти *коллегий*: Чужестранных дел, Камер-коллегии (ведала сбором доходов), Юстиц-коллегии, Ревизион-коллегии (ведомство финансового контроля), Военской, Адмиралтейской, Коммерц-коллегии (торговля), Берг-коллегии и Мануфактур-коллегии (горнозаводская и фабричная промышленность). Штатс-коллегии (ведомство государственных расходов). С появлением коллегий прекращали своё существование многие из ещё сохранившихся приказов. Некоторые из них вошли в состав новых учреждений. Так, в Юстиц-коллегию было включено семь старых приказов.

Особенностью коллегий по сравнению с приказами стало более чёткое разграничение сфер их деятельности и, главное, — совещательный, “коллегиальный” порядок ведения дел. “В коллегии предложенную нужду разбирают умы многие, и, что один не постигнет, то постигнет другой, а чего не увидит сей, то оный увидит” — так объяснял это сам Пётр. Вскоре, однако, выяснилось, что и здесь многое, как самокритично признавал царь, “не рассмотря учинено было”. Поэтому и количество коллегий, и их состав, и сфе-

Здание 12 коллегий в Санкт-Петербурге. Гравюра.

Органы власти и управления России в XVIII веке

ры деятельности каждой из них не раз изменялись при Петре. Тем не менее, основные принципы их работы оставались неизменными.

После учреждения коллегий Пётр I решил реформировать на шведский манер и местное управление. В 1719—1720 годах началась очередная реформа административно-территориального устройства. Губернии теперь делились на *провинции*, а те в свою очередь — на *дистрикты*, в основном соответствовавшие старым уездам. Правители дистриктов — *земские комиссары* — назначались Камер-коллегией. На местах им подчинялись нижние комиссары, которые собирали все подати, заботились о равномерном распределении рекрутской и постоянной повинностей, заведовали путями сообщений и полицией, наблюдали за эксплуатацией государственного имущества.

Мы сегодня уже убедились, что мало писать даже самые хорошие и умные приказы, принимать решения и создавать учреждения. Нужны действия по приведению их в жизнь, что Петр I умел делать и требовать с подчиненных. Об этом свидетельствуют многие факты того времени. Начнем с истории о предпринимателях Демидовых, тем более что все это происходило на Урале, в наших краях.

Демидовы

Ранней осенью 1696 года русские войска во главе с Петром I с победой возвращались из Азовского похода. В Москве их ожидала торжественная встреча, но царь поехал не в Москву, а в Тулу. На то были свои причины. Хотя война и окончилась победой, она вскрыла серьёзные недостатки в вооружении и обеспечении армии. Российская промышленность не могла снабжать её всем необходимым. Много приходилось ввозить из-за границы: из Голландии — порох и железные ядра; из Швеции — шпаги, мушкеты с зарядами и другую амуницию. Расходы опустошали казну, но армия по-прежнему испытывала недостаток в самом необходимом. Требовалось срочно развивать отечественную промышленность, в особенности металлургию.

Предшественники Петра I не раз приглашали из-за границы горных дел специалистов для поисков железной руды и других полезных ископаемых. Посылали экспедиции на Северную Двину, Печору и Енисей, в Мезень, Канин Нос, Югорский Шар. Строили казённые железоделательные заводы. Например, в Туле из местной руды получали металл, из которого изготавливали различные предметы, в том числе ружья, устаревшей конструкции самопалы. Однако и их не хватало для войска... Осмотрев казённый металлургический завод и его продукцию, Пётр предложил работникам починить ружьё, сделанное иноземным мастером Кухенрейтером. Нашёл-

ся умелец, который не только починил заграничное ружьё, но и выполнил точную его копию. Звали мастера Никита Демидович Антуфьев.

Пётр возобновил исследования рудных месторождений, начал строительство фабрик и заводов в разных областях страны, в том числе на Урале, где добывались богатейшие руды, состоящие почти наполовину из чистого железа. Чтобы привлечь отечественных предпринимателей, оказать им поддержку, царь издал ряд законов, установивших разнообразные льготы и поощрения. Например, каждый заводчик мог брать на организацию своего предприятия беспроцентные ссуды; освобождался на длительное время от пошлин и налогов на произведённые товары; вместе с семейством избавлялся от казённых служб и повинностей.

Примером благотворного влияния государственной политики на судьбы умелых, предприимчивых людей как раз и является история Никиты Демидовича Антуфьева (1656—1725) и его наследников.

Потерпев поражения под Нарвой, армия Петра I нуждалась в пополнении живой силой и вооружением. Солдат приказано было набрать, а вооружение нужно было закупать, но где взять деньги?

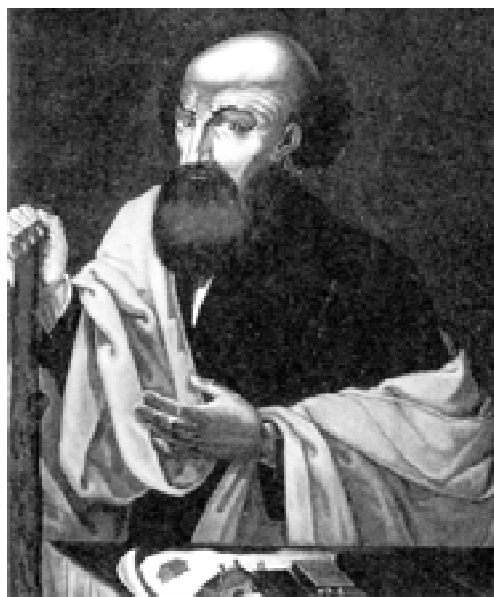
Зима. Мороз. Ветер. По завьюженной дороге несётся резной возок. Подбрасывает седока на ухабах. Разлетается из-под лошадиных копыт белыми лепёшками снег. Пётр мчится в Тулу, едет на оружейный завод к Никите Демидову.

Демидова Пётр знал давно, ещё с той поры, когда Никита был простым кузнецом. Бывало, приведут дела Петра в Тулу, зайдёт он к Демидову, скажет: “Поучи-ка, Демидыч, железному ремеслу”.

Наденет Никита фартук, вытащит клещами из горна кусок раскалённого железа. Стучит Демидов по железу молотком, указывает Петру, куда бить. У Петра в руках молот. Развернётся Пётр, по указанному месту — бух! Только искры летят в стороны.

— Так его, так! — приговаривает Демидов. А чуть царь оплошает, закричит Никита:

— У, косорукий! — Потом уже скажет: — Ты, государь, не гневайся. Ремесло — оно крик любит. Тут без крику — что без рук.

*Никита Демидов.
Портрет работы неизвестного
художника.*

— Ладно уж,— ответит Пётр.

И вот царь опять в Туле. “Неспроста, — думает Демидов.— Ой, неспроста царь пожаловал”. Так и есть.

— Никита Демидович, — говорит Пётр,— про Нарву слышал?

Не знает, что и сказать Демидов. Скажешь ещё не так, только прогневаешь царя. А как же про Нарву не слышать, когда все кругом шепчутся: мол, наломали нашему шведы бока.

Молчит Демидов, соображает, что бы ответить.

— Да ты не хитри, не хитри,—говорит Пётр.

— Слышал,— произносит Демидов.

— Вот так-то,— отвечает Пётр.— Пушки нужны, Демидыч. Понимаешь, пушки.

— Как же не понять, государь.

— Да ведь много пушек надобно.

— Понятно, Пётр Алексеевич. Только заводы-то наши, тульские, хилы. Железа нет. Леса нет. Слезы, а не заводы.

Пётр и Демидов молчат. Пётр сидит на резной лавке, смотрит в окно на заводской двор. Там в рваных армяках и стоптанных лаптях двое мужиков тащат бревно.

— Вот оно, наше тульское раздолье,—говорит Демидов.— По брёвнышку, по брёвнышку, как нищие собираемся.— А потом наклонился к Петру и заговорил тихо, вкрадчиво:— Государь, дозволь молвить?

Пётр встрепенулся, посмотрел на Демидова, произнёс:

— Сказывай.

— Тут ездили мои людишки — на Урал. И я, государь, ездил. Вот где железа! А леса, леса-то — что тебе море-океан, конца-краю не видно. Вот где, государь, заводы ставить. Оно сразу тебе и пушки, и бомбы, и ружья, и всякая другая надобность.

— Урал, говоришь?— переспросил Пётр.

— Он самый, Урал, — ответил Демидов.

— Слышал про Урал, да ведь далеко, Демидыч, на краю земли. Пока заводы построишь, ого-го сколько времени пройдёт!

— Ничего, государь, ничего,— убеждённо заговорил Демидов.— Дороги проложим, реки есть. Что там даль— желание было бы. А что долго, так, чай, не один день живём. Глядишь, годка через два и уральский чугун, и уральские пушки — всё будет.

Смотрит Пётр на Демидова, понимает, что у Никиты думка давно об Урале. Не сводит глаз и Демидов с Петра, ждёт царского слова.

— Ладно, Никита Демидович, — наконец произносит Пётр,— быть по-твоему, отпущу указ, поедешь на Урал. Получишь денег из казны, людишек получишь — и с богом. Да смотри у меня. Знай, нет сейчас в государстве иных дел, чтоб важнее горнорудных были. Памятуй. Подведёшь — не пожалею.

Через месяц, забрав лучших рудокопных и оружейных мастеров, Демидов уехал на Урал.

А Пётр за это время успел послать людей и в Брянск, и в Липецк, и в другие города. Во многих местах на Руси Пётр наказал добывать железо и строить заводы.

Пётр не забыл искусного оружейника. Он распорядился отвести ему земли и дать денег на организацию собственного дела. Антуфьев выстроил на реке Тулице большой железоплавильный завод, и очень скоро в арсеналы стали поступать отличные ружья, стоившие казне в 12 раз дешевле иностранных. Демидов поставлял железо и чугун для строительства Санкт-Петербурга и многое другое, необходимое для промышленности, хозяйства, армии и флота.

Он попросил Петра сдать ему в аренду казённый завод, построенный в 1699 году на Урале, на реке Невье в Верхотурском уезде, где земля была богата рудами и драгоценными камнями, а леса — пушшиной и древесиной. В этом диком, неосвоенном крае не было хороших дорог, и Демидов разведал и в дальнейшем использовал путь в центральные города России по рекам.

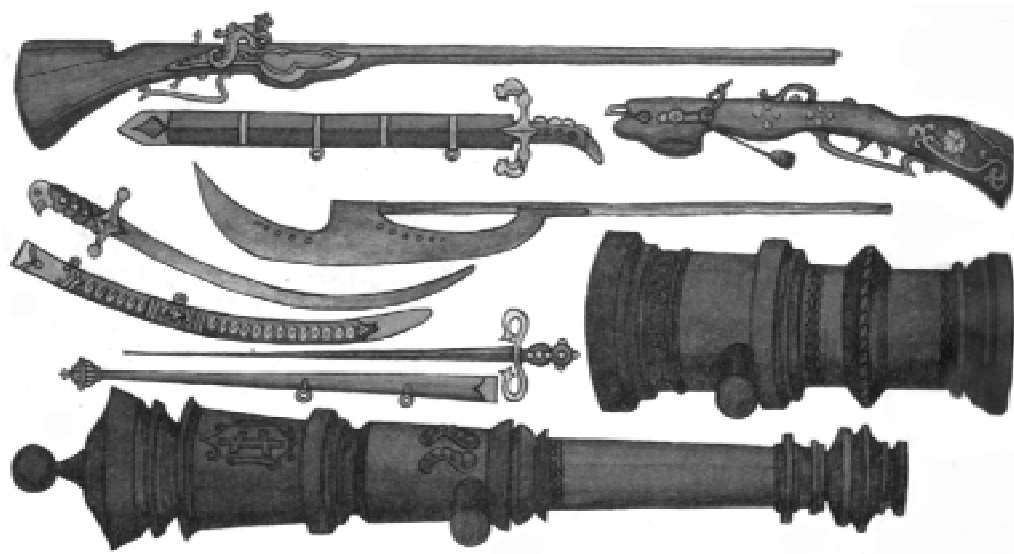
15 декабря 1701 года был получен первый чугун на Невьянском (Нейвинском) казенном чугуноплавильном и железоделательном заводе, одновременно основывается город Невьянск.

4 марта 1701 года Петр I своим Указом безвозмездно передал завод в управление Демидову, с обязательством поставок в казну железа и воинских припасов. И, видимо, бывший простолюдин сумел круто развернуться. Об этом можно судить по сообщению в газете “Ведомости” от 18 июля 1703 года, где говорилось: “Ныне июля в 17 день привезли к Москве из Сибири в сороке двух стругах 323 пушки великих, 12 мортиров, 14 гаубиц, из этого железа сделанных, да с теми же пушками привезено железа, стали, укладу и немалое число. И еще ожидали другого каравана вскоре, а в Сибири вельми умножается железный завод, а такого доброго железа в Свейской земле нет”.

Надо полагать, какая это была радость для Петра I, приказавшего перед этим снимать с церкви колокола и переливать их на пушки, а тут подошла такая сильная подмога.

Невьянск вскоре стал “столицей царства Демидовых”, а завод - крупнейшим в России. Здесь плавил чугун, железо, медь, лили колокола, изготавливали посуду, выпускали металлическое оборудование, впервые на Урале освоили художественное литье чугуна. Металл завода с маркой “Соболь” (позднее “Старый Соболь”) высоко ценили в Европе.

Демидов же получил после этого огромные земли на Урале для строительства металлургических заводов, с припиской к ним крепостных и государственных крестьян. Поселенцы многих сел и деревень ныне Катай-

Холодное и огнестрельное оружие, изготовленное русскими оружейниками и литейщиками XVI-XVII века.

ского и Далматовского районов нашей области были приписаны к тем заводам, кто для строительных и добычных работ, кто для извоза готовых изделий до места их назначения. Многие рабочие люди от этого несли большие лишения и убытки. Демидов же развернул дело так, что был жалован дворянским званием.

Успехи демидовских предприятий были столь значительны, что управляющий казёнными железными и медными рудниками и заводами В.И. Гарнинг жаловался царю на невозможность конкуренции с ним. Известность Демидова ширилась, а богатство росло. Всерьёз рассматривался вопрос: не отдать ли все казённые металлургические заводы в частные руки, имея в виду Никиту и его преемников.

К концу XVIII века промышленная “империя” Демидовых включала 55 предприятий, дававших одну треть общего количества чугуна и железа, производимых тогда в России. Так было положено начало развитию оборонной промышленности на Урале, который и поныне считается и зовется в народе Опорным Краем державы.

Весомый вклад в его дальнейшее развитие внес патриот Отечества Василий Никитич Татищев.

Он принадлежал к роду князей смоленских. Службу проходил сначала при царском дворе, а затем в армии. Участвовал в Полтавской битве и в Прусском походе. С 1720 по 1722 год руководил уральскими заводами, а с 1734 по 1737 год управлял уральским краем и многое сделал для его развития.

В ходе Северной войны в России особое внимание уделялось государ-

В.Н. Татищев на уральском заводе.

ственной организации управления промышленностью. О положении на местах в то время сведения было получить практически невозможно. Поэтому в разные стороны рассылались специальные уполномоченные. Недавние боевые офицеры переключались на деятельность совершенно иного рода. Так, в Тулу был послан ассессор коллегии Василий Григорьевич Волконский, в Сибирь — кабинет-курьер Илья Голенищев-Кутузов. Указом 7 января 1720 года на Кунгур в экспедицию был направлен Иоганн Блиер. А вскоре назначение на Урал получил и Василий Никитич Татищев.

Иоганн Блиер провел на Урале почти два десятилетия. За его плечами был огромный опыт разыскания руд и создания заводов по их переработке. Татищев должен был вести бухгалтерию, нанимать работников, на месте разбираться в чрезвычайно запутанных делах и конфликтах между местной администрацией, управляющими местных частных заводов и специалистами, представляющими государственную казну, организовать все работы, обеспечить дела материалами, рабочими руками и необходимой охраной.

Много внимания и сил Татищев отдавал вопросам укрепления и развития горнорудной промышленности, инспектирования, реконструирования и строительства заводов, решительно и безоглядно боролся с бюрократизмом и казнокрадством московских и уральских чиновников, постоянно отстаивал интересы государства. Существенное место в его деятельности занимали исследовательские работы, рудно-розыскные экспедиции. Его деятельность была постоянно проникнута заботой о простых людях, их законодательной и социальной защите, обучении в школах.

*Татищев Василий Никитич.
Гравюра.*

17 марта 1734 года императорским Указом Татищев был назначен главным начальником горных заводов Сибири.

Как всегда, Татищев энергично взялся за дело. Он подобрал себе дельных помощников. В их числе, полицмейстер Алексей Зубов, межевщик Игнатий Юдин, земский судья Степан Неелов. На Урал с ним отправлялись целая Берг-коллегия, с членами которой он, по собственному предложению, внесенному в инструкцию, должен был советоваться по всем важнейшим вопросам. Верный общей идее, Татищев пытался воплотить республиканскую форму правления хотя бы на ограниченной территории. Задачу

правителей государства он видел: “1) во умножении народа, 2) в довольстве всех подданных; 3) побуждение и способы к трудолюбию, ремеслам, промыслам, торгам и земским работам”. Этими установками он руководствовался и во время своей уральской деятельности. В основу работы чиновников и промышленности Татищев стремился положить принцип “пользы Отечеству”

На реке Исети, куда предполагалось перенести Уктусский завод, Татищев замыслил создание большого экономического центра. На вновь осваиваемое место предполагалось перенести и Ирбитскую ярмарку. Татищев вообще усиленно рекомендовал разным чинам, населявшим край, пользоваться местными условиями для развития разных ремесел и расширения торговли.

Татищев стремился решать и военные вопросы. Местные военные отряды он нашел в таком же запущенном состоянии, как и сами заводы. Татищев взялся за наведение порядка. Он испросил у коллегии разрешения снять с драгун различные поборы, вооружение выписать из Москвы, а форму драгуны должны были оплатить сами. Драгуны были собраны в новом поселке Горный Щит в двадцати пяти верстах южнее Уктуса, то есть в наиболее беспокойном месте.

Таким образом, Василий Никитич Татищев оставил о себе добрую память у уральцев и остается высокочтимым человеком и в наши дни. Недавно в городе Екатеринбурге ему установили памятник, ведутся работы по установлению памятника и в городе Перми.

Северная война привела к окончательному созданию регулярной армии. Пётр изменил сам принцип ее комплектования. Созывы дворянского ополчения были заменены рекрутскими наборами, которые распространялись на всё население, платившее подати и несшее государственные повинности. Первый такой набор был произведён в 1699 году. Однако соответствующий указ был подписан только в 1705 году, и с этого времени рекрутские наборы стали ежегодными. В рекруты записывали только холостых в возрасте от 15 до 20 лет, однако в ходе Северной войны из-за постоянной нехватки солдат и матросов эти ограничения в возрасте постоянно изменялись. Рекрутские наборы тяжким бременем легли прежде всего на русскую деревню. Срок службы практически не был определён, и человек, отправленный в армию, не надеялся на возвращение к обычной жизни. Первоначально порядок набора и подготовки рекрутов определялся в «Статьях стольникам о сборе даточных солдат или рекрут». По ним же помещики и городские общины обязывались снабжать рекрута провиантом, одеждой, деньгами. (*«На службе Отечеству», Златоуст, 1998 г., стр.4-5*)

По словам русского историка В.О. Ключевского, «рекрутов распределяли по «станциям», сборным пунктам в ближайших городах, партиями человек в 500-1000, расквартировывали по постоянным дворам, учили военному солдатскому строю по артикулу непрерывно». Затем их рассылали, куда требовалось: «на упалые места», для пополнения старых полков и формирования новых. Всего во время царствования Петра Первого было произведено 53 рекрутских набора (21 основной и 32 дополнительных), и в армию в общей сложности взято более 280 тысяч человек.

Огромная армия, численность которой к концу царствования Петра I достигла 200 тысяч человек, обученная строю и ведению боя (не считая около 100 тысяч казаков), позволила России одержать блестящую победу в изнурительной Северной войне. Но путь к этому был длинным и трудным, через невероятные тяготы, мучения и кровь, борьбу с косностью, беспечностью и обманом чиновничества, командной верхушки армии, надеждой их на «авось», с познания талантливости и мужественности простолюдинов, их безмерной преданности Отечеству. Мне кажется, очень убедительно раскрывают эту суть небольшие истории из книги Сергея Алексеява «Небывалое бывает», следующие ниже.

«Поговори, государь, с солдатами»

Приехал Пётр к Нарве, собрал генералов, стал спрашивать о состоянии войска. Неловко генералам говорить царю правду. Боятся царского гнева. Докладывают, что всё хорошо, войска дошли без потерь. И пушек достаточно, и ядра есть, и порох хороший.

— А как с провиантом? — спрашивает Пётр.
— И провиант есть, — отвечают генералы.
— Так, — говорит Пётр, а сам наклонился к Меншикову, шепчет на ухо:
— Не верится мне что-то, Данилыч, иное в пути видел.
— Врут. Ей-богу, врут! — отвечает Меншиков. — Пойди поговори, государь, с солдатами.

Пошёл Пётр. Смотрит — солдаты стоят, ружья чистят.
— Как дела, служивые? — спрашивает Пётр.
— Оно ничего, государь, бог милостив, — отвечают солдаты.
— Ну, а народу в пути много полегло? — спрашивает Пётр.
— Полегли, государь. Так ведь на то и дорога дальняя, дожди, государь, непогода.

Взглянул на солдат Пётр, ничего не сказал, пошёл дальше. Смотрит — бомбардиры возятся у пушек.

— Как дела, бомбардиры? — спрашивает Пётр.
— Оно ничего, государь, бог милостив, — отвечают бомбардиры.
— Ну, а как пушки, как порох?
Молчат пушкары, переминаются с ноги на ногу.
— Так как же порох? — переспрашивает Пётр.
— Оно ничего, государь, — отвечают бомбардиры. И снова молчат, снова переминаются с ноги на ногу.

— Что — ничего? Где обозы, где порох?! — не вытерпев, закричал Пётр.
— Поотстали, государь, обозы, — отвечают солдаты. — Так ведь дорога дальняя, грязь непролазная. А порох есть, государь. Как же без пороха на войну идти? Подвезут, чай, порох.

И снова дёрнулся петровский ус, сжались в кулаки огромные руки.
Пошёл царь дальше. Смотрит — драгуны коней чистят.
— Как дела, молодцы? — спрашивает Пётр.
— Оно ничего, государь, бог милостив, — отвечают драгуны.
— А как с харчами?
— Вот с харчами разве что худо. Да оно ничего, государь, — отвечают драгуны, — народ терпит. Коней жалко.

Перекосилось от злобы петровское лицо. Понял царь, что генералы говорили неправду. Вернулся Пётр в генеральскую избу, снова собрал совет.

— Как же шведа воевать будем? — заговорил царь. — Где порох, где обозы? Чего солдат в пути загубили, чем живых кормить будем? Чего брехали, правду не сказывали?!

Молчат генералы, смотрят на царя исподлобья, заговорить боятся.
Наконец встал старший по чину, Артамон Головин:
— Пётр Алексеевич, не гневайся. Русский мужик вынослив. Бог милостив, уж как-нибудь.

— Дурак! — рявкнул Пётр. — На божьей милости далеко не уедешь! Пушки нужны, ядра, корм лошадям и людям. Дело оно не шутейное. Шкуру спущу, коли порядка не будет! Поняли? Шкуру спущу!

И вышел, да так хватил дверью, что у генералов мурашки по спине пробежали.

А после строго спросил, что для исправления положения делается.

“Пусть сам черт воюет с такими солдатами!”

Подходя к Нарве, шведский король Карл хвастал перед генералами: “Московские мужики разбегутся при одном виде моих солдат”.

Однако вскоре королю пришлось изменить своё мнение. Услышав сильную пальбу близ Нарвы — а там бились преображенцы и семёновцы, — Карл поспешил к своим войскам и подоспел вовремя: гвардейцы оттеснили, отбили шведов. Того и гляди, обратятся шведы в позорное бегство.

— Шведы, шведы! — закричал Карл. — С вами бог и я — ваш король! За мной! Солдаты воспрянули духом и с новой силой бросились в битву.

Слева, с невысокого холма, била русская пушка. С шипением врезались ядра в шведские ряды, валили по несколько человек сразу.

— Пушки, подать сюда пушки! — закричал Карл. Несколько солдат бросились выполнять приказ. Вскоре появилась шведская батарея.

— Огонь!

Ядра легли с недолётом, метрах в тридцати от русской пушки.

— Огонь! — кричал Карл.

Опять недолёт.

С третьего выстрела легли шведские ядра рядом с пушкой. Словно игрушечных, подкинуло в воздух и разбросало в разные стороны русских солдат.

— Ура! — закричал Карл. — Ура! — И замахал шляпой.

Однако, когда улеглась пыль, король увидел: у пушки стоит солдат. Карл посмотрел — у солдата нет правой руки. Весь бок пушкаря залит кровью. Словно надломленный сук, торчит из плеча оголённая кость. Солдат держит в левой руке запал, что-то кричит, наводит пушку прямо на шведского короля.

— Безумец! — закричал король.

В это время грянул новый выстрел, и Карл упал вместе с лошадей.

Когда король вылез из-под убитого коня и осмотрелся, на прежнем месте солдата уже не было. Прихрамывая на ушибленную ногу, Карл поднялся на холм. Рядом с русской пушкой, истекая кровью, лежал солдат. Глаза героя были полузакрыты, губы произносили какие-то

слова. Карл наклонился к умирающему. “Русский шведа и одной левой бьёт”, — повторял упрямо солдат.

Уже потом, когда кончился бой, Карл пытался узнать, как звали героя. Однако никто ответить королю на его вопрос не мог. Тогда Карл вызвал барона Галларта и спросил его о пушкаре.

— Что за солдат, не знаю, — ответил Галларт, — однако, ваше величество, могу вас заверить, что таких у русских немало. Не люди — безумцы. Пусть сам чёрт воюет с такими солдатами!

Посмотрел Карл на Галларта, вспомнил свои слова, сказанные при подходе к Нарве, задумался, ничего не ответил.

“Ученики выучатся и отблагодарят своих учителей”

Солдаты готовились к новому бою. Однако генералы решили по-своему. В новый бой русская армия не вступила. Генералы тайно договорились с королём Карлом о почётном отступлении.

Ночью через Нарву стали наводиться мосты. Затем рота за ротой русские войска принялись переходить на правый её берег. Переправу охраняли Преображенский и Семёновский полки. С барабанным боем, с распущенными знаменами они последними перешли Нарву.

Весть о поражении русских войск застала Петра в Новгороде. Загнав лошадь, к царю примчался всадник.

— Что там? — спросил Пётр.

— Конфузия, государь! — только и ответил прибывший.

Подошёл Меншиков. Узнав о поражении русской армии, побледнел, стал причитать:

— Что же теперь? Как же оно будет!

— Цыц! — огрызнулся Пётр.

— Святая богородица, да за что же ты нас? — не унимался Меншиков.

— Да умолкни ты, дурья башка! — закричал Пётр. — От битья железо крепнет, человек мужает. Радуйся, дурак, науке. Чай, не первый раз со шведами бьёмся. Дел-то, посмотри, сколько. Малому ли война научила? Эхма, только работай! Заводы строй, пушки лей, армия, поди, регулярная нужна, офицеры свои, генералы. Отстала Русь. Страна большая, а порядку мало. Попомни: ученики выучатся и отблагодарят своих учителей.

Русских воинов во все времена отличали сметливость, боевое творчество и решительность, что неизменно приносило успех даже при самых невероятных условиях.